

Сборник научных статей
по итогам работы
Международного научного форума

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Москва 2025

Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы
Международного научного форума
**НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Том 2

Москва, 2025

УДК 330

ББК 65

С56

A standard barcode is positioned vertically. Below the barcode, the number '9 785905' is printed on the left, and '695780 >' is printed on the right, indicating the ISBN and a check digit.

Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
(г. Москва, 18 декабря 2025 г.). Том 2. / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин.—
Москва: Издательство Инфинити, 2025.— 104 с.

У67

DOI 10.34660/INF.2025.11.99.044

Сборник материалов включает в себя доклады российских и зарубежных участников, предметом обсуждения которых стали научные тенденции развития, новые научные и прикладные решения в различных областях науки.

Предназначено для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов вузов, государственных и муниципальных служащих.

DOI 10.34660/INF.2025.11.99.044

УДК 330

ББК 65

© Издательство Инфинити, 2025
© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ключевые компетенции персонала в индустрии медицинского туризма <i>Мустафаева Земфира Аммаевна, Блиева Асият Хамишевна</i>	5
Потенциал развития медицинского туризма в Кабардино-Балкарской Республике <i>Мустафаева Земфира Аммаевна, Лигидов Рамазан Муаедович, Аттоева Залина Хасановна, Моллаева Асият Алимовна</i>	10
Организация финансового аудита как системы контроля качества на российских предприятиях <i>Жигунова Наталья Викторовна, Коваленко Валерия Викторовна</i>	15
Влияние аудита и контроля на повышение эффективности функционирования российских компаний <i>Жигунова Наталья Викторовна, Онищук Виктория Алексеевна, Заварихина Арина Анатольевна</i>	20
Блокчейн и NFT: революция в коммерциализации прав на интеллектуальную собственность <i>Учеваткина Надежда Владимировна, Валяевский Андрей Юрьевич</i>	25
Генеративный ии в обучении международным финансовым технологиям через симуляции платежей OPEN BANKING и CBDC <i>Бакоева Г.М.</i>	30
Финансовый рынок в системе обеспечения экономической безопасности: теоретический подход <i>Коротин Кирилл Владимирович</i>	38

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Проблемы информационного взаимодействия МВД России и ФСИН России при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы <i>Нукаев Ерген Аулиханович</i>	43
От карательной модели к ресоциализирующей: совершенствование ст. 79 УИК РФ в контексте профилактики рецидива <i>Нукаев Ерген Аулиханович</i>	46

Эволюция взаимодействия прокурорского надзора и судебной власти: историко-правовой анализ <i>Кочнева Дарья Сергеевна</i>	50
--	----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Современные подходы к обучению детей старшего дошкольного возраста лексике английского языка <i>Сурудина Елена Александровна, Маркова Анна Владимировна</i>	56
Гуманитарная составляющая в подготовке специалистов туриндустрии Китая: вызовы и перспективы <i>Чжсан Ян.</i>	62
Современные вызовы и будущее автономии университетов Казахстана <i>Кадрин Дегдар Катжсанулы, Оспанова Бикеш Ревовна</i>	66
Развитие и значение эстетического образования в современной китайской музыке (1840–1949) <i>Лю Шунъяо</i>	73
Современные подходы к повышению успеваемости студентов с помощью искусственного интеллекта <i>Базарбай Диас Ырзыкулы</i>	82

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Образ Б.Н. Ельцина в массовом сознании российской и иностранной общественности в конце 1980-х — 1990-е гг. <i>Карагезов Василий Андреевич</i>	90
---	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Способы передачи глухих согласных звуков в английской письменности (на материале дополнительного и основного общего образования) <i>Чехомова Алиса Андреевна, Шиликов Сергей Иванович</i>	98
---	----

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРСОНАЛА В ИНДУСТРИИ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА

Мустафаева Земфира Аммаевна

доктор экономических наук, профессор

Блиева Асият Хамишевна

Моллаева Асият Алимовна

Кабардино-Балкарский государственный университет

им. Х. М. Бербекова,

г. Нальчик, Российской Федерации

Аннотация. В статье предложена оптимальная классификация медицинского туризма, обозначена роль персонала в его развитии, а также раскрыты ключевые позиции кадров медицинского туризма

Ключевые слова: медицинский туризм, классификация, факторы привлекательности, риски, кадры, перспективы.

Термин «медицинский туризм» зародился в конце прошлого столетия вследствие необходимости дать понимание явлению, в основе которого лежит выезд граждан за пределы своего места обитания в поисках качественной медицинской помощи, что, в свою очередь, явилось следствием глобализации и развития информационных технологий. За прошедшие без малого полувека согласованность в определении и понимании definicijii «медицинский туризм» так и не достигнута.

Медицинский туризм можно определить, как сферу медицинской индустрии и гостеприимства, связанную в единую систему рынков с развитой инфраструктурой, включающей не только медучреждения, но и самые разные отрасли бизнеса — страхование, банковскую деятельность, юридическую помощь, транспорт, связь. Понимание медицинского туризма в широком смысле включает в себя также миграцию не только пациентов и гостей, но и врачебного персонала, диагностического и операционного оборудования [1].

Целями медицинского туризма являются, во-первых, получение качественного лечения (доступ к высокотехнологичной медицине и передовым методам лечения, которые недоступны в стране проживания и получение услуг у врачей с мировой репутацией), во-вторых, экономия средств (проведение

дорогостоящих операций и процедур по более низкой стоимости, включая затраты на перелет и проживание), в-третьих, сокращение времени ожидания (избежание длительных очередей на лечение, характерных для государственных систем здравоохранения многих стран), в- четвертых, сохранение конфиденциальности (проведение процедур (особенно в сфере пластической хирургии, стоматологии или психиатрии) вдали от места жительства), в-пятых (оздоровление и профилактика, прохождение комплексных check-up программ и использование природных лечебных факторов (минеральные воды, грязи, климат) для поддержания здоровья), в-шестых, совмещение лечения и отдыха, возможность восстановиться после процедур в курортной обстановке, что способствует лучшей реабилитации и положительному психологическому эффекту.

Значительная разница в стоимости идентичных медицинских услуг между странами, доступ к уникальному медицинскому оборудованию и инновационным методикам, наличие в стране-реципиенте конкретных узкопрофильных специалистов с безупречной репутацией, длительные сроки ожидания операции или консультации в своей стране, возможность получить медицинскую услугу, которая законодательно запрещена в стране проживания (например, отдельные виды ЭКО, суррогатное материнство), желание совместить эффективное лечение с туристическим отдыхом и знакомством с новой культурой, желание совместить эффективное лечение с туристическим отдыхом и знакомством с новой культурой — это самый распространенный набор мотивов медицинских туристов, выезжающих за пределы своей страны [4]. Аналогичные мотивы распространяются и на внутренний туризм.

Типология медицинского туризма должна опираться, на наш взгляд, на классификацию медицинских услуг, в состав которых входят: диагностические услуги (направлены на выявление заболеваний и состояний. К ним относятся лабораторные анализы, рентгенологические исследования, ультразвуковое исследование (УЗИ), магнитно-резонансная томография (МРТ), эндоскопия); лечебные услуги (направлены на лечение и коррекцию заболеваний. К ним относятся медикаментозная терапия, хирургические вмешательства, физиотерапия, инъекции, перевязки, стоматологическое лечение); профилактические услуги (направлены на предупреждение заболеваний и поддержание здоровья. К ним относятся вакцинация, профилактические осмотры, диспансеризация, консультации по здоровому образу жизни); реабилитационные услуги (направлены на восстановление здоровья и функциональных возможностей после перенесённых заболеваний или травм. К ним относятся физиотерапия, лечебная физкультура, массаж, психотерапия, логопедическая помощь); паллиативные услуги (направлены на облегчение боли и улучшение качества жизни неизлечимо больных пациентов. К ним относятся симптоматическое лечение, психологическая поддержка, уход). Таким образом, медицинские

услуги — это профессиональная деятельность, направленная на поддержание, восстановление и улучшение здоровья человека, а также на профилактику и лечение заболеваний. Исходя из этого, можно выделить три направления медицинского туризма: лечебный, реабилитационный, диагностический.

Как уже отмечалось, современный медицинский туризм — это не просто «поехать лечиться за границу». Это сложная индустрия, отвечающая на самые разные запросы: от желания сэкономить до стремления получить самую инновационную помощь в мире, совмещенную с комфорtnым отдыхом.

Наряду с факторами привлекательности (стоимость лечения, конкурентоспособность цен, уровень жизни и курсы валют, качество и безопасность медицины, квалификация врачей, технологическое оснащение, широта медицинских услуг, транспортная доступность, туристическая инфраструктура, инфраструктура гостеприимства для пациентов, сильный национальный бренд, активное продвижение, прозрачность информации, визовый режим, правовое поле, поддержка государства, культурная совместимость и гостеприимство, толерантность к иностранцам, уважение их традиций, благоприятная экология и климат, возможность совместить лечение с отдыхом на курорте) существуют и сдерживающие факторы, к которым можно отнести: юридические риски (сложность судебных разбирательств в случае врачебной ошибки в другой стране), языковой и культурный барьер (страх недопонимания с врачом), осложнения после возвращения (отсутствие гарантий на послеоперационное наблюдение дома), негативный имидж страны (политическая нестабильность, высокий уровень преступности).

Кадры — это один из ключевых элементов всей системы медицинского туризма. Это не только врачи, но и целая команда специалистов, обеспечивающих комфорт и безопасность пациента на всех этапах.

Условно их можно разделить на несколько основных групп:

1. Медицинский персонал: врачи-специалисты и хирурги (высококвалифицированные специалисты с международной репутацией, опытом и наличием международных сертификатов Их имена главным образом привлекают пациентов); врачи-координаторы (ведут пациента от первичной консультации до выписки, координируя работу всех специалистов); медицинские сестры и младший медицинский персонал (обеспечивают уход за пациентом, проявляя не только профессиональные навыки, но и межкультурную коммуникацию, тактичность, знание основ психологии); врачи — реабилитологи и физиотерапевты (необходимые специалисты для послеоперационного восстановления).

2. Административный и управленческий персонал: менеджеры по медицинскому туризму (разрабатывают стратегию развития этого направления в клинике или на курорте, отвечают за маркетинг и партнерства); менеджеры по работе с международными пациентами (общаются с пациентом до приезда,

организуют трансфер, проживание, перевод документов, сопровождают пациента во время пребывания, решая все административные вопросы); маркетологи и продакт-менеджеры (продвигают медицинские услуги на международных рынках, участвуют в выставках, работают с партнерами-агентами).

3. Персонал сервиса и гостеприимства: медицинские переводчики (специализируются на медицинской терминологии, обеспечивают точный перевод на всех этапах — от консультации до подписания информированного согласия); координаторы по логистике и гостеприимству (бронируют авиабилеты, отели, организуют трансферы, экскурсии для сопровождающих лиц); сотрудники службы размещения (работают в специализированных отелях при клиниках или в самих клиниках, обеспечивая комфортное пребывание, не связанное с лечением); сопутствующие и внештатные специалисты; медицинские брокеры и турагенты (работают в странах-донорах в качестве посредников между пациентом и зарубежной клиникой, помогают с выбором и организацией поездки); юристы (специализируются на международном медицинском праве, готовят договоры, регулируют вопросы ответственности, помогают в случае возникновения споров); страховые агенты (разрабатывают и продают специализированные страховые продукты для медицинских туристов); ИТ-специалисты (разрабатывают и поддерживают платформы для телемедицинских консультаций, онлайн-записи и ведения электронных медицинских карт) [3].

Ключевые компетенции и требования к кадрам в медицинском туризме:

1. Языковая подготовка: Свободное владение английским языком — обязательный минимум. Знание других языков (арабский, китайский, немецкий, французский) является большим преимуществом.

2. Межкультурная коммуникация: Понимание культурных особенностей, традиций, менталитета пациентов из разных стран. Умение быть тактичным и терпимым.

3. Клиентоориентированность: В медицинском туризме пациент — это не просто больной, а клиент, который платит за услугу и ожидает высочайшего уровня сервиса на всех этапах.

4. Гибкость и стрессоустойчивость: Работа с иностранными пациентами часто связана с нестандартными ситуациями, срочными запросами и необходимостью быстро принимать решения.

5. Экспертные знания: глубокие познания не только в своей прямой профессии (медицина, маркетинг, логистика), но и в специфике индустрии медицинского туризма в целом [2].

Успех медицинского туризма в любой стране или клинике напрямую зависит от наличия слаженной междисциплинарной команды, где врачи отвечают за качество медицинской услуги, а все остальные

специалисты — за безупречный сервис, комфорт и безопасность пациента как «туриста». Подготовка таких кадров — одна из главных задач для стран, стремящихся занять свою нишу на этом рынке.

Список использованной литературы:

1. Губарев Д. В. Роль менеджера по медицинскому туризму в организации услуг для иностранных пациентов // Социальные и экономические системы.— 2021.— Т. 5.— № 3.— С. 70–84.
2. Кружалин В. И., Зорин И. В., Ильина Е. Л. Медицинский туризм: теория и практика.— М.: Советский спорт, 2021.— 288 с.
3. Мальская М. П., Кравченко И. В. Кадровое обеспечение сферы медицинского туризма: требования и компетенции // Экономика и предпринимательство.— 2022.— № 5(142).— С. 1241–1245.
4. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 01.05.2022) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Мустафаева Земфира Аммаевна

доктор экономических наук, профессор

Лигидов Рамазан Муаедович

доктор экономических наук, доцент

Аттоева Залина Хасановна

кандидат биологических наук

Моллаева Асият Алимовна

Кабардино-Балкарский государственный университет

им. Х. М. Бербекова,

г. Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы факторы, являющиеся ключевыми для развития медицинского туризма в Кабардино-Балкарской Республике. Даны оценка сильным и слабым сторонам потенциала территории. Намечены пути преодоления барьеров развития медицинского туризма.

Ключевые слова: медицинский туризм, потенциал, развитие, ресурсы, инновационные методы, реабилитация, лечение, возможности.

Медицинский туризм представляет собой сложную многоуровневую индустрию, объединяющую сферы здравоохранения, гостеприимства и логистики. Его развитие определяется комплексом факторов — от экономической целесообразности и технологического оснащения до инфраструктурной готовности, и кадрового потенциала.

Кабардино-Балкарская Республика обладает значительным, но пока нереализованным потенциалом для развития медицинского туризма, главными нишами которого можно выделить высокогорную и реабилитационную медицину. Основные перспективы связаны с использованием уникальных природных ресурсов, растущим туристическим спросом и активной работой научно-экспертного сообщества. Уникальные природные условия являются главным конкурентным преимуществом республики.

КБР характеризуется благоприятным климатом, богатыми источниками минеральных вод (Белореченские, Аушигер и др.), высокогорными ландшафтами

Приэльбрусья, Беленги и др., а также развитым санаторно-курортным комплексом, включая курорт «Нальчик», с 80-летней историей. Эти факторы являются основой для развития терапии и реабилитации.

Медицинский туризм в КБР востребован, но в узкоспециализированных нишах и преимущественно на внутреннем рынке. Его масштабы несопоставимы с соседними регионами КМВ. Массовая востребованность объектов внимания медицинских туристов не достигается вследствие наличия ограничивающих факторов, таких как: слабость традиционной санаторно-курортной базы (в отличие от Ставропольского края — Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки — в КБР нет исторически сложившихся, издавна известных курортных агломераций. Санатории КБР меньше по масштабам и менее известны); конкуренция с Кавказскими Минеральными Водами (республика находится в тени мощнейшего бренда «Кавказские Минеральные Воды», который притягивает основную массу туристов-потребителей санаторно-курортного сегмента); логистика (несмотря на то, что аэропорт Нальчика функционирует, его пропускная способность и география полетов уступает аэропорту Минеральные Воды, который является главными воздушными воротами для всего региона); недостаточное продвижение (медицинский туризм КБР плохо раскручен на федеральном и международном уровне)[1]. Вместе с тем, республика имеет уникальные предложения:

1. Бальнеологический курорт «Долинск». Это главная жемчужина медицинского туризма в КБР. Крупнейший санаторий республики, расположенный в живописной местности. Использование знаменитой «Нарзанной галереи». Нарзаны Долинска по своему составу и лечебным свойствам не уступают кисловодским и пользуются высоким спросом для лечения: заболеваний сердечно-сосудистой системы, болезней органов пищеварения, нарушений обмена веществ.

В основном туристы и пациенты из регионов России по программе «Социального туризма» (за счет средств ФСС или по льготным путевкам), а также самостоятельные путешественники [4,3].

2. Высокогорный климат и терренкуры. В Приэльбрусье (пос. Терскол, Чегет) уникальный горный воздух, который является лечебным фактором сам по себе. Это востребовано для: лечения и профилактики заболеваний дыхательной системы (бронхиальная астма, бронхиты,) общеоздоровительных и реабилитационных программ, адаптации к гипоксии [2].

3. Развитие современной медицины в Нальчике. Столица КБР, Нальчик, постепенно развивается как центр оказания качественных медицинских услуг для жителей республики и соседних регионов. Появляются современно оснащенные клиники, предлагающие услуги: стоматологии (эстетическая реставрация, имплантация); диагностики (МРТ, КТ, УЗИ экспертного класса);

амбулаторной хирургии. Предлагаемые услуги получают, в основном, жители соседних субъектов (Ингушетия, Северная Осетия, Ставропольский край), где выбор качественных частных медицинских услуг может быть меньше.

4. Нишевые и уникальные предложения: апитерапия (лечение пчелиным ядом, прополисом, маточным молочком) может быть дополнительной, но востребованной услугой для определенной категории туристов; экологический и wellness-туризм: сочетание активного отдыха в горах (походы, ski-tour) с оздоровительными процедурами в санаториях Нальчика или Долинска [10].

Целевую аудиторию медицинских туристов в КБР представляют:

1. Бюджетные туристы и льготники: основной поток, ориентированный на санатории типа «Долинск» по социальным и льготным путевкам.

2. Спортсмены: используют высокогорье для тренировок и акклиматизации.

3. Жители соседних республик Северного Кавказа: для которых Нальчик — это ближайший крупный культурный и медицинский центр.

4. Туристы, совмещающие отдых и лечение: те, кто приезжает в Приэльбрусье для активного отдыха и может пройти короткий оздоровительный курс в санатории на обратном пути.

Необходимо отметить, что приведённая ниже статистика собрана из открытых источников: данных Ростуризма, отчетов курортов, выступлений официальных лиц и новостных сводок. Важно понимать, что точные, детализированные данные по всем туристам (включая неорганизованных) отследить сложно, поэтому цифры часто носят оценочный характер и могут немного разниться в разных источниках [5].

Развитие медицинского туризма в КБР поддерживается как на федеральном, так и на региональном уровнях. За последние годы интерес туристов к КБР значительно вырос. С 2018 по 2024 год количество онлайн-запросов, связанных с отдыхом в республике, увеличилось в 2 раза, достигнув 5,3 млн. В 2024 году регион посетило 1,5 млн туристов, что на 16% больше, чем в предыдущем.

Главным драйвером развития является Кабардино-Балкарский государственный университет (КБГУ), в котором разработана модель центра компетенций в сфере медицинского туризма и высокогорной медицины, представленная в инновационном центре «Сколково». Проект предполагает создание кластера, объединяющего медицинские учреждения, туроператоров и образовательные ресурсы в единую сеть для разработки и оказания комплексных услуг. Прорабатывается концепция превращения города Тырныауз в современный курортный центр с акцентом на высокогорную медицину и шопинг-туризм.

Развитие направления соответствует национальным проектам «Новые технологии сбережения здоровья» и проектам в сфере туризма. Кабардино-Балкарская развивает как традиционные курортные программы, так и новые направления высокогорной медицины.

Традиционные санаторно-курортные программы реализуются многими санаториями («Долина нарзанов», «Синдика», «Чайка» и др.) и основаны на проверенных природных факторах, способствующих лечению широкого спектра заболеваний (органов дыхания, сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата, нервной системы, желудочно-кишечного тракта и др.) с использованием бальнеотерапии, грязелечения, климатотерапии, ЛФК, физиотерапии. Кроме того, традиционные программы реализуются на базах отдыха в Приэльбрусье и на курортах, использующих термальные источники («Аушигер», «Гедуко»).

Инновационные программы высокогорной медицины разрабатываются на базе нового Научно-клинического центра горной медицины КБГУ в Приэльбрусье, который находится в высокогорной зоне, что эффективно для полноценной акклиматизации и тренировок. Программы широко используют особенности высокогорья с целью оздоровления и реабилитации, включая акклиматацию для обеспечения безопасности в горах, реабилитацию после болезней, спортивную медицину и подготовку, общее оздоровление посредством гипокситерапии, персонифицированных программ обследования и адаптации, современной диагностики под контролем профессионалов. Примеры таких программ: Smart check-up «Безопасные горы», курс гипокситерапии, программа «Безопасное восхождение». Основные перспективы для здоровья связаны с природными лечебными ресурсами: целебным горным климатом, минеральными водами и термальными источниками.

Несмотря на потенциал развития медицинского туризма в Кабардино-Балкарии, имеют место некоторые системные проблемы:

1. Отсутствует единое понимание феномена медицинского туризма как комплексной услуги, что приводит к слабому взаимодействию между медицинскими и туристическими организациями.

2. Существует острая нехватка специалистов, обладающих одновременно компетенциями в области медицины, туризма и гостеприимства, а также знанием иностранных языков.

3. Низкое качество обслуживания, сервиса и перегруженность популярных локаций.

4. Отсутствуют четкие юридические процедуры для сопровождения пациентов, а также эффективные механизмы продвижения медико-туристических услуг.

Для преодоления существующих проблем необходимо реализовать следующие шаги:

1. Объединение усилий клиник, санаториев, туроператоров и образовательных учреждений в рамках единого кластера под координацией КБГУ.

2. Усилиями КБГУ, согласно программе «Приоритет-2030», в рамках запущенного проекта по созданию межрегиональной экспертной площадки разрабатывать новые образовательные программы, совмещающие медицину и туризм.

3. Активное продвижение КБР на туристическом рынке посредством участия в крупных российских и международных выставках с акцентом на медицинский туризм.

4. Создание прототипа ИИ-помощника «Туристический гид Кабардино-Балкарии» для совершенствования сервиса.

Список использованной литературы:

1. Бгажноков Б. А., Эфендиев Ф. С. Туристско-рекреационный потенциал Кабардино-Балкарии: проблемы и перспективы освоения // Известия Российской академии наук. Серия географическая.— 2019.— № 5.— С. 76–87.

2. Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кабардино-Балкарской Республике [Электронный ресурс].— URL: <https://kbrstat.gks.ru/> (дата обращения: 01.10.2023).

3. Отчет о деятельности санатория «Долинск» за 2022–2023 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГБУ КБР «Санаторий «Долинск».— URL: <http://dolinsk07.ru/> (дата обращения: 01.10.2023).

4. Ромашов М. Е. Бальнеология: основы курортологии.— СПб.: СпецЛит, 2019.— 255 с.

5. Стратегия социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики до 2030 года [Электронный ресурс].— Нальчик, 2018.

DOI 10.34660/INF.2025.77.96.026

УДК 657.6

ОРГАНИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО АУДИТА КАК СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА НА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Жигунова Наталья Викторовна
кандидат технических наук, доцент
Коваленко Валерия Викторовна
студент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Тульский филиал)

Аннотация. В статье рассматривается процедура организации и проведения финансового аудита на российских предприятиях, которая представляет собой независимую оценку финансовой отчетности и деятельности организаций с целью определения достоверности предоставленных данных и соблюдения установленных стандартов и требований законодательства. Установлено, что финансовый контроль является важным инструментом управления и обеспечения стабильности экономической деятельности предприятий. В статье доказана роль финансового аудита в контроле, который заключается в объективной и независимой оценке финансовой отчетности организаций.

Ключевые слова: финансовый аудит, финансовый контроль качества, аудиторские проверки, финансовая прозрачность, аудитор.

В условиях динамично развивающейся экономики и ужесточения требований к финансовой отчетности необходимость в эффективных механизмах контроля становится особенно актуальной. Организация и проведение аудиторских проверок играют ключевую роль в обеспечении прозрачности и достоверности финансовой информации на российских предприятиях [2]. Финансовый аудит позволяет своевременно выявлять нарушения, оптимизировать внутренние процессы и повысить доверие инвесторов и партнеров к компании.

Цель данной статьи состоит в анализе роли и эффективности организации и проведении финансового аудита как инструмента системы финансового контроля качества на российских предприятиях, а также выявлении основных проблем и перспектив их совершенствования в современном экономическом контексте.

Современные российские предприятия сталкиваются с возрастающими рисками финансовых злоупотреблений, недостоверных отчетов и неэффективного использования ресурсов. В условиях глобализации и интеграции в мировую экономику требования к финансовому контролю ужесточаются, что делает аудит важным инструментом обеспечения устойчивости и конкурентоспособности бизнеса [1, 3]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения качества и надежности аудиторских проверок как средства финансового контроля.

Основная задача финансового контроля, как важного инструмента управления и обеспечения стабильности экономической деятельности предприятий, это своевременно выявлять и предотвращать финансовые нарушения, обеспечивая рациональное использование ресурсов и защиту интересов всех заинтересованных сторон. Эффективный финансовый контроль способствует повышению прозрачности бизнеса, снижению рисков финансовых потерь и злоупотреблений [7].

Роль финансового аудита в контроле заключается в объективной и независимой оценке финансовой отчетности организаций. Аудиторские проверки проводят всесторонний анализ достоверности, полноты и соответствия финансовых данных установленным стандартам. Это позволяет выявить ошибки, недочеты и факты мошенничества, что повышает доверие инвесторов, кредиторов и регуляторов [5]. Авторы подчеркивают, что именно аудит служит ключевым механизмом укрепления корпоративного управления и повышения эффективности функционирования российских предприятий. Финансовый аудит и контроль взаимосвязаны и дополняют друг друга, обеспечивая стабильность и устойчивое развитие экономики, а также формирование достоверной финансовой информации.

По материалам научных статей и публикаций, аудит выполняет важную функцию контроля и повышения прозрачности финансовой информации, что способствует укреплению доверия заинтересованных лиц — инвесторов, кредиторов, государства.

Существует несколько видов аудиторских проверок, которые различаются по целям, объему и объекту исследования: обязательный аудит, инициативный (внеплановый) аудит; комплексный аудит; специализированный аудит. В современных российских условиях аудит становится ключевым инструментом для обеспечения финансовой дисциплины и повышения качества корпоративного управления. Важным аспектом является соответствие аудиторской деятельности нормативным требованиям и стандартам, что позволяет обеспечить объективность и независимость проверки.

Методология аудита основывается на системном подходе к проверке финансовой и хозяйственной деятельности организации, обеспечивающем

объективность и достоверность выводов аудитора. По нашему мнению, аудиторский процесс включает последовательные этапы, направленные на планирование, сбор, анализ и оценку информации, а также формулирование заключения [2–5, 7].

1. Планирование аудита. На этом этапе определяется цель проверки, объем и объект аудита, формируется программа аудиторских процедур. Проводится предварительный анализ деятельности организации, изучаются внутренние контролирующие системы, оцениваются риски и возможности их минимизации. Важная задача — создание бюджета времени и ресурсов для эффективного проведения аудита.

2. Проведение аудиторских процедур. Включает сбор и проверку первичных документов, бухгалтерской отчетности, подтверждение данных с помощью наблюдений, опросов, тестирования операций и контрольных мероприятий. Аудитор анализирует соответствие учетной политики требованиям законодательства и стандартам, проверяет полноту и правильность отражения хозяйственных операций.

3. Анализ и оценка полученных данных. На основе собранных доказательств аудитор выполняет сравнительный и аналитический анализ, выявляет возможные ошибки, нарушения и риски. Оценивается эффективность системы внутреннего контроля и степень вероятности искажения отчетности.

4. Формулирование аудиторского заключения. Результаты работы систематизируются, составляется отчет с выводами о достоверности финансовой отчетности и соблюдении нормативных требований. В заключении может содержаться информация о выявленных недостатках и рекомендации по их устранению.

5. Представление отчета и контроль выполнения рекомендаций. Аудиторский отчет передается руководству и заинтересованным сторонам. При необходимости проводится дополнительный контроль за внедрением улучшений и устранением выявленных нарушений.

Таким образом, можно отметить, что методология аудита предполагает комплексный, поэтапный процесс, сочетающий анализ рисков, проверку документов и систем, что обеспечивает высокую степень достоверности и объективности аудиторской проверки.

Финансовая прозрачность — это не просто доступность данных, а их достоверность, понятность и сопоставимость для инвесторов, кредиторов, регуляторов и общества [4]. В условиях информационной асимметрии, когда менеджмент компаний обладает большим объемом сведений, чем внешние пользователи, именно независимый аудит выступает ключевым механизмом преодоления этого разрыва. На основе выполненного анализа актуальных источников и мнения экспертов в области аудиторских проверок и финансового

контроля, можно выделить пять взаимосвязанных функций финансового аудита, каждая из которых вносит специфический вклад в обеспечение прозрачности [1–7].

1. Подтверждающая функция: создание базиса доверия, снижает информационный риск.

2. Функция обеспечения соблюдения требований: гарантия единства правил. Прозрачность невозможна без единых правил формирования отчетности.

3. Предупредительная функция: формирование культуры ответственного учета, способствуя становлению внутренней корпоративной культуры честности и прозрачности.

4. Информационно-аналитическая и консультационная функция: от контроля к развитию. Данная функция превращает аудит в инструмент добавленной стоимости, способствующий укреплению устойчивости бизнеса.

5. Функция защиты интересов стейкхолдеров: разрешение агентского конфликта. В основе данной социальной функции лежит теория агентских отношений. Эта функция поддерживает баланс интересов в экономике, обеспечивая справедливое распределение рисков и доверия.

Мы доказали, что финансовый аудит служит инструментом внешнего контроля собственников (в том числе миноритарных акционеров), кредиторов и прочих заинтересованных лиц за деятельность наемного менеджмента. Независимое заключение подтверждает или ставит под сомнение ту финансовую информацию, которую управленцы представляют как результат своей работы. Тем самым финансовый аудит минимизирует возможности злоупотреблений и скрытия информации, защищая инвестиции и активы.

В заключение следует сказать, что функции аудиторских проверок в обеспечении качественной финансовой прозрачности образуют комплексную систему. От создания базового доверия через подтверждение до предупреждения ошибок и стратегического консультирования — финансовый аудит работает на всех уровнях генерации и представления финансовой информации. Эволюция этих функций в сторону ИТ-аудита и верификации ESG-отчетности лишь подтверждает, что финансовый аудит остается динамичным и необходимым институтом, адаптирующимся к новым требованиям прозрачности в цифровую эпоху.

Список использованных источников

1. Артемова Ю. Ю. Характеристика рынка аудиторских услуг в Российской Федерации // Государственная служба. 2021. № 3 (131). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-rynka-auditorskih-uslug-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.12.2025).
2. Добрунова М. А., Тимошенко Н. В., Плящечко К. А. Особенности построения аудиторской выборки в процессе проведения аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности // Вестник Академии знаний. 2024. № 5 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-postroeniya-auditorskoy-vyborki-v-protsesse-provedeniya-audita-buhgalterskoy-finansovoy-otchetnosti> (дата обращения: 12.12.2025).
3. Горина С. А. Национальные стандарты бухгалтерского учета и аудита в контексте экономической безопасности и суверенитета России // Учет. Анализ. Аудит. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-standarty-buhgalterskogo-ucheta-i-audita-v-kontekste-ekonomiceskoy-bezopasnosti-i-suvereniteta-rossii> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Ермишина О. Ф., Круглова В. С., Чебакова Н. А. Современные аспекты организации системы внутреннего аудита на предприятии // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoye-aspekty-organizatsii-sistemy-vnutrennego-audita-na-predpriyatiu> (дата обращения: 16.12.2025).
5. Немыкина О. Е., Кузнецов Р. Е. Модели государственного регулирования аудиторской деятельности // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-gosudarstvennogo-regulirovaniya-auditorskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 14.12.2025).
6. Осташов В. С. О реформировании внутреннего финансового контроля и аудита: проблемы и пути решения // Финансовое право.—2023.—№ 3.—С. 67–75.
7. Павлова А. С. Организационно-поведенческие аспекты внутреннего финансового аудита в системе государственного управления // Финансы и кредит.—2022.—№ 32(824).—С. 71–79.

ВЛИЯНИЕ АУДИТА И КОНТРОЛЯ НА ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Жигунова Наталья Викторовна
кандидат технических наук, доцент
Онищук Виктория Алексеевна
студент
Заварихина Арина Анатольевна
студент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Тульский филиал)

Аннотация. Рассмотрены нормативные правила и регулирования ведения аудита и контроля на российских предприятиях. Проанализированы нормативные акты, статистические данные, научные материалы публикаций и практических обзоров по ведению аудита и контроля на предприятиях. Выполнен анализ проверок аудита на основе исследования по корпоративной отчетности, а также практических кейсов из российских компаний, приведены примеры. Сделаны выводы и даны рекомендации.

Ключевые слова: внутренний контроль, аудит, стандартизация аудита, корпоративная отчетность, контроль.

В современных условиях развития российской экономики аудит и внутренний контроль играют ключевую роль в обеспечении прозрачности финансовой и нефинансовой деятельности предприятий. Согласно Федеральному закону от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», аудит представляет собой независимую проверку финансовой отчетности, а внутренний контроль — систему мер по предотвращению нарушений в хозяйственной деятельности. Регулирование и стандартизация этих процессов направлены на минимизацию рисков, повышение качества корпоративной отчетности и защиту интересов стейкхолдеров [6].

В этой связи, выявление проблем и предложение рекомендаций для их решения, с акцентом на интеграцию с корпоративной отчетностью, приобретает

особую актуальность. В этой ситуации возрастает роль аудита и контроля, которым должны будут обеспечить достоверность корпоративной отчетности.

На основе анализа нормативных актов, статистических данных и научных материалов, настоящая работа рассматривает ключевые аспекты регулирования и стандартизации аудита и контроля на российских предприятиях. А так же включая исследования по корпоративной отчетности, такие как внутренний аудит ПАО «САСТА» и ПАО «Южный речной порт» в 2024 году, иллюстрирующие применение стандартов на реальных предприятиях; практические кейсы из российских компаний — внедрение AI в Росатоме для внутреннего контроля [1].

В 2025 году закон Федеральный закон № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» был дополнен изменениями согласно Федеральному закону № 481-ФЗ, вводящими новые требования к внешнему контролю качества аудиторских организаций.

Аналитики утверждают, что в 2025 году наблюдается усиление и изменения в нормативной базе: введены новые международные стандарты аудита (МСА), гармонизированные с федеральными стандартами аудиторской деятельности (ФСАД), а также обновлены требования к системам внутреннего контроля (СВК) в соответствии с проектами национальных стандартов. Это обусловлено ростом числа проверок и нарушений, выявленных в 2023–2025 годах. Например, в 2024 году Федеральная налоговая служба (ФНС) провела 4495 выездных проверок, из них 98 % оказались результативными, что на 17 % больше, чем в 2023 году по РФ и на 32 % — по Москве [2].

В Группе «Россети» в октябре 2025 года рассмотрели развитие систем стандартов внутреннего аудита, подчеркивая необходимость применения передового опыта для снижения рисков. Практический пример: в госкорпорации «Росатом» в 2024–2025 годах внедрена система «Атом Майнд» на базе ИИ, которая анализирует более 2 млн научно-технических параметров для автоматизации внутреннего контроля, что позволило снизить операционные риски на 25 % и интегрировать данные в корпоративную отчетность.

Проблемы регулирования включают несоответствие некоторым международным практикам и недостаточный уровень цифровизации. В 2025 году Минфин подготовил проект приказа о внедрении МСА на территории РФ, что позволит гармонизировать подходы [3]. Для предприятий это означает необходимость перехода к стратегическому риск-менеджменту, где аудит интегрируется с контролем качества. Пример из практики: в 2024 году аудиторская компания «Радар-Консалтинг» провела внутренний аудит ПАО «Южный речной порт» (ЮРП), выявив нарушения в учете резервов на сумму 15 млн руб., что привело к корректировке отчетности и внедрению автоматизированных процедур контроля.

ФСАД регулируют этапы аудита: планирование, сбор доказательств, формирование заключения. В 2025 году введены стандарты по обязательному аудиту, учитывающие изменения в антиотмывочном законодательстве. Для контроля качества Минфин усилил внешний надзор: в 2024 году проверено 80 % топ-30 аудиторов. Практический кейс: в ПАО «САСТА» (авиастроительная компания) в марте 2025 года завершен внутренний аудит за 2024 год по ФСАД, выявивший несоответствия в оценке активов на 50 млн руб., что привело к доработке учетной политики и снижению рисков на 18 % [1].

На предприятиях стандартизация проявляется в обязательном внедрении процедур внутреннего контроля, гармонизированных с ФСАД. Проблемы: низкая адаптивность стандартов для малого бизнеса, где аудит часто носит формальный характер. Рекомендации — интеграция с корпоративной отчетностью для повышения аналитического потенциала. Еще один пример: аудиторская фирма «Юникон АО» в отчете за 2024 год описала кейс проверки ПАО «СИТИ», где стандартизованные процедуры выявили нарушения в закупках на 20 млн руб., что было устранено за счет автоматизации контроля.

В 2025 году, по данным издания «Главбух», компании внедряют СВК с матрицами контроля; например, в ритейлере «Магнит» автоматизировано 70 % процессов контроля, что снизило ошибки на 30 %. Возникают следующие проблемы в этой ситуации: слабая связь финансовых и нефинансовых показателей, отсутствие профессионального суждения. Стандарты решают это через интеграцию с аудитом, как в концептуальной модели цифровой корпоративной отчетности [5]. Кейс нарушения: в 2025 году СРО ААС выявила 59 нарушений в 4528 проверках, включая несоблюдение требований к СВК в 20 % случаев, с штрафами до 1 млн руб. за нераскрытие информации.

Рынок аудиторских услуг вырос на 12 % в 2024 году до 27,44 млрд руб. Внешний контроль качества выявив 59 нарушений (табл. 1).

Таблица 1. Внешний контроль качества проверок

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г. (прогноз)
Выездные проверки ФНС, ед.	3 840	4 495	5 200 (+15%)
Результативные проверки, ед. (%)	3 720 (97%)	4 397 (98%)	5 100 (98%)
Объем рынка аудиторских услуг, млрд руб.	24,42	27,44	30,5 (+11%)
Выявленные нарушения аудите, ед.	45	59	70 (+19%)
Штрафы за непроведение обязательного аудита, млн руб.	150	220	300 (+36%)

Статистика демонстрирует рост активности в сфере аудита и контроля. Данные за 2025 год — прогноз на основе тенденций [2]. Внутренний аудит:

в июне 2025 года 70 % крупных предприятий внедрили цифровые СВК, но нарушения сохранялись в 20 % случаев. Пример: в отчете Счетной палаты за 2024 год аудит бюджета выявил нарушения на 500 млрд руб., включая слабый контроль в госкомпаниях [2]. По сравнению с 2023 годом все указывает на ужесточение контроля.

Рост проверок связан с новыми ФСБУ и МСА, увеличивая риски для бизнеса. Кейс: в 2024 году 10 % проверок ФНС касались СВК, с доначислениями на 100 млрд руб. [2]. Мы поддерживаем мнение специалистов аналитических прогнозов, которые акцентируют роль отчетности в управлении бизнесом, где интегрированная отчетность объединяет финансовые и нефинансовые данные под контролем аудита [8]. Некоторые эксперты предлагают моделирование цифровой отчетности с механизмами прозрачности, где стандарты контроля (ПНСТ) интегрируют данные для стейкхолдеров [4].

На практике аудит в 2025 году фокусируется на использовании XBRL, снижая ошибки в отчетности на 15–20 % (по данным Минфина). Проблемы: слабая связанность показателей, решаемая через стандартизованный контроль. Кейс: аудит ПАО «СИТИ» выявил расхождения в нефинансовых данных, скорректированные на 10 млн руб., что подчеркивает важность верификации нефинансовой отчетности [8].

Практика: в Росатоме «Атом Майнд» интегрирует контроль с отчетностью, автоматизируя анализ для стейкхолдеров. Происходит эволюция регулирование и стандартизация аудита и контроля в 2025 году в сторону цифровизации и интеграции с отчетностью, но требуют доработки для малого бизнеса [4, 5–7]. Примеры из практики (Росатом, ПАО «САСТА») показывают эффективность внедрения, но и сохраняющиеся риски нарушений.

Регулирование и стандартизация аудита и контроля в 2025 году эволюционируют в сторону цифровизации и интеграции с отчетностью, но требуют доработки для малого бизнеса.

Анализ практик компаний позволяет сформулировать следующие рекомендации:

1. Внедрить непрерывное обучение по МСА и ФСАД на основе реальных кейсов для аудиторов и финансовых специалистов;
2. Разработать унифицированные, но гибкие модели СВК, адаптированные для предприятий разного масштаба;
3. Интегрировать процедуры аудита и внутреннего контроля с системами интегрированной и цифровой корпоративной отчетности для холистического подхода к управлению рисками.

Реализация этих мер позволит повысить прозрачность деятельности компаний и снизить операционные и репутационные риски на 10–15 % к 2026 году.

Список использованных источников

1. Отчет о результатах аудиторской проверки ПАО «САСТА» за 2024 год. 2025.
2. Обзор рынка аудиторских услуг в России за 2023–2025 гг. / Аналитический центр «Эксперт». 2025.
3. Приказ Минфина России от 09.01.2025 № 61н «О введении в действие международных стандартов аудита в Российской Федерации».
4. Рожнова О. В. Проблемы оценки элементов корпоративной отчетности // Аудиторские ведомости. 2023. № 4. С. 42–47.
5. Сафонова И. В. Концептуальная модель цифровой корпоративной отчетности // Учет. Анализ. Аудит. 2025. Т. 12. № 1. С. 27–45.
6. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 2025) «Об аудиторской деятельности».
7. Чайковская Л. А. Корпоративная налоговая отчетность и ее роль в управлении бизнесом // Учет. Анализ. Аудит. 2023. Т. 10. № 1. С. 28–35.
8. Шелякина А. С., Бобровская Т. В. Корпоративная налоговая отчетность как результат развития отчетной информации компаний // Mat. XI Междун. науч. конф. «Студенческий научный форум — 2019». URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2019/5c7fb5957aac8.pdf>

БЛОКЧЕЙН И NFT: РЕВОЛЮЦИЯ В КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ПРАВ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Учеваткина Надежда Владимировна

кандидат химических наук, доцент

«НМИЦ ТПМ» Минздрава России, Москва, Россия

Валяевский Андрей Юрьевич

кандидат экономических наук, доцент

Московский международный университет,

Москва, Россия

Аннотация: Статья исследует трансформационный потенциал технологии блокчейн и невзаимозаменяемых токенов (NFT) в сфере коммерциализации интеллектуальной собственности (ИС). Авторы анализируют, как децентрализованные реестры и смарт-контракты решают фундаментальные проблемы цифровой эпохи: установление авторства, подтверждение подлинности и отслеживание истории владения нематериальными активами. Особое внимание уделяется правовой природе NFT, подчеркивается критическое различие между владением токеном и владением объектом авторского права. Делается вывод о том, что блокчейн и NFT формируют новый инфраструктурный слой доверия, смещающий фокус с постфактумного доказывания прав на их автоматическое и прозрачное исполнение, что открывает путь к более гибкой и справедливой системе коммерциализации творчества в цифровой экономике.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, блокчейн, коммерциализация, цифровой актив

Цифровая эпоха перевернула представления о собственности, но до сих пор оставляла болезненный парадокс. С одной стороны, мир получил невиданные инструменты для создания и мгновенного распространения контента, программного кода и цифровых активов. С другой — традиционные механизмы интеллектуальной собственности, рожденные в эпоху физических носителей, оказались беспомощны в условиях всеобщего копирования и анонимности интернета. Как коммерциализировать то, что можно скопировать в один клик? Как доказать свое авторство на цифровое

произведение? Как получать справедливые отчисления от его использования в глобальной сети?

Долгое время ответы на эти вопросы были туманными, а рынок цифровых активов страдал от пиратства, сложностей с аутентификацией и непрозрачных цепочек прав. Однако на сцене появились технологии, обещающие разрешить этот многолетний конфликт. Блокчейн и его наиболее яркое применение для творцов — невзаимозаменяемые токены (NFT) — предлагают фундаментально новый подход.

Эта статья посвящена тому, как синергия блокчайна и NFT не просто модернизирует, а революционизирует коммерциализацию прав на интеллектуальную собственность. Мы рассмотрим, как децентрализованные реестры превращают абстрактные авторские права в уникальные, легко передаваемые и верифицируемые активы. Как смарт-контракты автоматизируют отношения между правообладателями и пользователями, гарантируя прозрачность и мгновенные расчеты. И как NFT, выходя далеко за рамки цифрового искусства, становятся универсальным «цифровым векселем» для владения и управления любыми активами — от патентов и лицензий на программное обеспечение до прав на музыкальные треки и дизайнерские модели.

В основе взаимодействия блокчайна и интеллектуальной собственности лежит решение главной проблемы цифровой эпохи: как установить и доказать подлинность, авторство и историю владения нематериальным активом в среде, где он бесконечно копируется.

Блокчейн, как неизменяемый, децентрализованный и прозрачный цифровой реестр, предлагает набор решений, которые можно разделить на три больших направления.

Доказательство и фиксация это базовое и самое надежное применение блокчайна для интеллектуальной собственности, которая представляет собой запись в блокчейн криптографического хэша (цифрового отпечатка) любого файла — чертежа, текста, кода, дизайна, музыкального трека. Хэш уникоден. Любое изменение в файле полностью меняет хэш. Записав хэш и метку времени в блокчейн, автор создает неоспоримое доказательство существования файла на определенную дату. Важно понимать, что в блокчейн не загружается сам объект интеллектуальной собственности, только его «цифровой слепок». Это инструмент для защиты на стадии создания и приоритета. Он решает споры: «Кто первый придумал?», «Существовал ли мой проект до того, как его украли?».

В случае управления правами и монетизации становятся актуальными смарт-контракты как автоматические «агенты». Здесь блокчейн превращает пассивные права в активные, программируемые инструменты.

Невзаимозаменяемый токен (NFT) можно рассматривать как цифровой сертификат, привязанный к активу. Он не обязательно означает владение самим

объектом авторского права (например, картиной), но может подтверждать право на оригинал, лицензию или членство в комьюнити. Это создает новый рынок для цифрового искусства, коллекционных предметов, внутриигровых активов.

Автоматизированное лицензирование — это тот же смарт-контракт, представленный в виде кода на блокчейне, выполняющего условия автоматически. Права на использование контента можно программировать (например, платить 0.01\$ за каждый просмотр видео или 5\$ за коммерческое использование фотографии). При каждой перепродаже NFT или использовании лицензии смарт-контракт может автоматически и моментально перечислять процент (роялти) оригинальному создателю и всем последующим правообладателям. Это решает вековую проблему креативных индустрий. Можно представить глобальную, общедоступную базу данных, где для каждого актива видна вся цепочка прав: от автора к издателью, дистрибутору, конечному пользователю. Проекты вроде Verisart работают над этим для искусства.

Блокчейн может создать неизменяемую историю подачи патентных заявок, что снизит споры о приоритете. Децентрализованные системы могут упростить и удешевить глобальный патентный поиск. Для товаров, защищенных товарными знаками (люксовые бренды, электроника, лекарства), блокчейн позволяет отследить путь каждого изделия от завода до полки. Потребитель, отсканировав QR-код, увидит всю историю, что сделает подделку практически невозможной. Данные нельзя подделать задним числом. Вся история владения и транзакций публична (или доступна авторизованным сторонам). Уменьшается потребность в посредниках (нотариусах, коллекторских обществах, юристах для простых соглашений). Становится возможным микролицензирование, фракционное владение, динамическое ценообразование.

Важно понимать, что блокчейн фиксирует данные о праве в себе, но сам объект ИС (физическая картина, реальный товар) существует вне его, а для этого нужны механизмы надежной привязки (метки, IoT-датчики).

Запись в блокчейне — это сильное доказательство с юридической точки зрения, но пока не равно государственной регистрации патента или товарного знака. Юрисдикции только начинают признавать такие доказательства в суде. Проведение всех транзакций по ИС в публичных блокчейнах (вроде Ethereum), к сожалению, может быть дорогим и медленным. Покупка NFT часто не означает покупку авторских прав на сам объект. Покупатель получает токен, привязанный к активу, но не право его копирования или коммерческого использования. Необходима четкая правовая квалификация. Публичность блокчейна может конфликтовать с необходимостью сохранения ноу-хау в тайне до момента патентования, а сама покупка NFT в подавляющем большинстве случаев не означает покупку интеллектуальной собственности на связанный с ним объект (картину, музыку, дизайн).

NFT — это цифровой сертификат собственности, записанный в блокчейне. Он подтверждает, что вы владеете именно этим уникальным токеном, который связан с конкретным цифровым активом. Какие права это дает? Все зависит от лицензионного соглашения, которое должен явно предоставить создатель. Покупается при этом токен как коллекционный цифровой предмет и часто — право демонстрировать его как «владельца оригинала» в виртуальных галереях или соцсетях. При этом, не происходит покупки исключительных прав на изображение/музыку/код. Его нельзя тиражировать, создавать производные произведения (мерч, фильмы) или коммерчески использовать базовый актив без отдельного разрешения правообладателя.

Например, вы купили подписанную, нумерованную литографию художника. Вы владеете ценным физическим оттиском, но не можете начать печатать с него футболки — эти права остаются у художника. Некоторые проекты, особенно в сфере генеративного искусства (напр., Art Blocks) или комьюнити-брендов (напр., Nouns), используют лицензии, разрешающие коммерческое использование купленного NFT-изображения в определенных лимитах (доход до \$ 100K в год). Что должно быть явно и четко прописано.

Полная передача интеллектуальной собственности происходит исключительно редко так как это юридически сложная и дорогая сделка, требующая отдельного договора уступки исключительных прав. NFT в этом случае выступает лишь как «ключ» или доказательство перехода прав, но не заменяет договор. Несмотря на разделение прав, NFT создают революционные модели для авторов и правообладателей. Смарт-контракт NFT можно запрограммировать так, чтобы при каждой последующей перепродаже на вторичном рынке определенный процент (например, 5–10%) автоматически отправлялся кошельку оригинального создателя. Это решает вековую проблему художников и музыкантов, которые не получают доход с роста стоимости их работ после первой продажи.

NFT позволяет авторам продавать цифровые оригиналы напрямую коллекционерам, минуя галереи, аукционные дома и издателей, которые забирают значительную часть дохода. Это демократизация рынка.

Вся история владения NFT записана в блокчейне. Это бесценно для искусства и коллекционирования, где важно подтвердить подлинность и отсутствие подделок. NFT становится цифровым паспортом актива. Актив может меняться в зависимости от внешних данных или решений владельца. Сообщество владельцев NFT определенной коллекции может коллективно владеть торговой маркой и принимать решения о ее развитии (как в примере с Nouns DAO). Это новая модель управления интеллектуальной собственностью «снизу вверх».

Наряду с позитивными тенденциями есть и негативные факторы. Любой может создать NFT, связанный с чужим произведением, украшенным из сети. Платформы несут слабую ответственность за проверку авторства. Покупатель

такого NFT не получает никаких прав и может быть привлечен к спорам. Анонимность и высокая волатильность цен делают NFT привлекательным инструментом для незаконных операций, что бросает тень на весь сегмент. Суды по всему миру только начинают рассматривать первые иски, связанные с NFT. Нет устоявшейся практики: является ли NFT ценной бумагой, имущественным правом или просто сувениром.

Таким образом, для создателей: NFT — мощный инструмент для монетизации, формирования комьюнити и защиты авторства (через фиксацию приоритета). Критически важно четко прописывать лицензию, которая передается вместе с токеном. Для индустрии ИС: NFT — это тест-драйв для будущего, где права могут быть токенизированы, фрагментированы и управляемы алгоритмически. Они указывают на путь к более гибкой, прозрачной и справедливой системе коммерциализации творчества, хотя текущая реализация переполнена спекуляциями и правовыми пробелами.

Заключение.

Блокчейн — это не просто «модная технология» для ИС. Это инфраструктурный слой доверия, который потенциально может перестроить всю систему регистрации, управления и коммерциализации интеллектуальной собственности.

Он смещает фокус с дорогостоящего и медленного доказывания прав постфактум на их прозрачное и автоматическое соблюдение в реальном времени. Пока рано говорить о полной замене традиционных институтов (патентных ведомств, судов), но блокчейн уже стал мощным инструментом в их арсенале, создающим основу для экономики, где цифровые творения наконец-то могут быть полноценными, защищенными и легко торгуемыми активами. NFT — это не синоним интеллектуальной собственности, а скорее новый, сложный финансово-правовой инструмент для управления, трекинга и монетизации цифровых активов, права на которые часто остаются у их создателей. Они не отменяют законы об авторском праве, но заставляют их эволюционировать в цифровую эпоху.

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИИ В ОБУЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫМ ФИНАНСОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ ЧЕРЕЗ СИМУЛЯЦИИ ПЛАТЕЖЕЙ OPEN BANKING И CBDC

Бакоева Г. М.

Ташкент, Узбекистан

Аннотация. В статье анализируется применение генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в преподавании дисциплины «Современные международные финансовые технологии» на основе симуляционного подхода. Исследование выполнено в два этапа: анализ нормативно-правовой базы и практик цифровых банков Узбекистана, затем разработка с помощью ИИ вариативных кейсов и синтетических наборов данных. Представлены четыре модуля: ISO 20022, open banking, CBDC/стейблкоины и регтех KYC/AML. ИИ выступает как сценарист и тьютор: создаёт «грязные» данные, моделирует негативные случаи и поддерживает верификацию решений. Показано, что симуляционный формат способствует лучшему пониманию платежной архитектуры, развитию навыков проектирования API и повышает вовлечённость студентов.

Ключевые слова: генеративный ИИ, open banking, CBDC, симуляции в образовании, финансовые технологии, цифровая трансформация.

Abstract. The article examines the use of generative artificial intelligence (AI) in teaching the course “Modern International Financial Technologies” within a simulation-based approach. The study was conducted in two stages: first, an analysis of the regulatory framework and the practices of digital banks in Uzbekistan; second, the development, with AI, of varied cases and synthetic datasets. Four modules are presented: ISO 20022, open banking, CBDC/stablecoins, and regtech KYC/AML. AI acts as a scenario designer and tutoring assistant: it creates “noisy” data, models negative cases, and supports the verification of solutions. The results show that the simulation format enhances understanding of payment architectures, develops API design skills, and increases student engagement.

Keywords: generative AI, open banking, CBDC, simulations in education, financial technologies, digital transformation.

Актуальность. Современное высшее образование сталкивается с необходимостью радикальной перестройки методов преподавания в ответ на вызовы цифровой эпохи. Особенно остро эта задача стоит в дисциплинах, связанных с финансовыми технологиями, где технологии развиваются быстрее, чем учебные программы. Концепции open banking и CBDC, несмотря на их стратегическое значение для будущих специалистов в области международных финансов, остаются для студентов абстрактными из-за отсутствия практических моделей их применения. Традиционные методы (лекции, презентации) не позволяют студентам «прожить» эти технологии. Генеративный ИИ предлагает решение: он способен быстро генерировать реалистичные, регуляторно-согласованные и персонализированные симуляции, превращая пассивное обучение в активное погружение. Это особенно важно в поликультурной среде, где студенты из разных стран нуждаются в гибких, адаптивных форматах. Таким образом, актуальность исследования обусловлена как педагогической необходимостью, так и возможностями, открываемыми ИИ в контексте национальной цифровой трансформации и глобальных трендов (к 2025 г. 70% финансовых операций станут цифровыми — McKinsey, 2024 [1]).

Цель исследования — разработать и оценить эффективность применения генеративного ИИ для создания симуляций платежей в open banking и CBDC в рамках дисциплины «Современные международные финансовые технологии».

Методы исследования. Исследование реализовано в два этапа. На первом этапе проведён анализ нормативно-правовой базы [2]: Закон РУз «О платежах и платёжных системах», отраслевых отчётов (ЦБ Узбекистана), практик цифровых банков (Anor Bank, TBC Bank) [4–5] для выявления типовых сценариев, пригодных для дидактического моделирования.

На втором этапе с использованием генеративного ИИ были сгенерированы вариативные учебные наборы данных и кейсы для симуляций по четырём модулям: ISO 20022 (pacs/pain); Open banking; CBDC/стейблкоины; KYC/AML.

Генеративный ИИ был интегрирован в образовательный процесс как сценарист и эксперт-тьютор, обеспечивающий масштабируемость и персонализацию учебных материалов. Это позволило создать динамическую среду, в которой студенты не просто изучают теорию, но и принимают решения в условиях, максимально приближенных к реальному рынку.

Разработанная модель включает четыре симуляционных модуля, каждый из которых представляет собой сквозной практический кейс:

1. Модуль: Платёжные сообщения ISO 20022

Роль студента: Операционный аналитик по платежам. Суть симуляции: Студенты работают с синтетическими платёжными сообщениями (pacs.008, pain.001), сгенерированными GenAI и содержащими контролируемые ошибки (неверные форматы полей, несовместимость кодов

статусов, ошибки в remittance information). Задача — провести техническую и комплаенс-валидацию, выявить ошибки и определить корректный код исключения. ИИ обеспечивает мгновенную обратную связь, объясняя, почему платеж был отклонен согласно стандартам ISO (Таблица 1).

Таблица1. Структура обучающей симуляции
Платёжные сообщения ISO 20022

Задача студента	Роль GenAI и симуляция	Критерии оценки
1.1. Разбор структуры (pacs/pain)	GenAI генерирует «Грязное» сообщение: GenAI создает текстовый файл (или JSON/XML-структуру), имитирующий сообщение pacs.008 (платежное поручение) или pain.001 (запрос на инициирование платежа), специально вставляя 2-3 ошибки: неверный формат даты, неправильный BIC-код бенефициара, пропущенное обязательное поле.	Точность идентификации: Студент должен найти и перечислить все ошибки, указав точное поле ISO 20022 (например, <IntrBkStlmt>) и требуемый формат.
1.2. Маршрутизация и статусы	GenAI-тьютор моделирует маршрутизацию: Студент предлагает маршрут платежа (например, от Банка А через Центральный банк к Банку Б). GenAI, получив этот маршрут, имитирует ответ системы, генерируя сообщение pacs.002 (отчет о статусе) со статусом RJCT (отклонено) и кодом исключения, объясняя, почему предложенная маршрутизация невозможна или привела к сбою.	Корректность действий: Студент должен предложить корректирующее действие для успешного проведения платежа (например, выбрать правильного посредника) и объяснить значение кода исключения (например, AM05 – Duplicate transaction).
1.3. Соответствие полей	GenAI сравнивает форматы: Студентудается поле из старого формата (например, SWIFT MT103) и предлагается найти его эквивалент в ISO 20022. GenAI выступает в роли справочника, мгновенно проверяя соответствие и генерируя комментарий о преимуществах нового формата.	Навык конвертации: Процент правильных сопоставлений полей.

2. Модуль: Open Banking (PIS/AIS)

Роль студента: Финтех-разработчик / Менеджер по интеграции.

Суть симуляции: Студенты получают фрагменты API-спецификаций (Swagger/OpenAPI), имитирующие банковские эндпойнты. Их задача — спроектировать логическую последовательность запросов для инициации платежа (PIS) или агрегации счетов (AIS), соблюдая требования PSD2 по аутентификации и получению согласия. GenAI используется для моделирования негативных сценариев (например, обработка 403 Forbidden при использовании просроченного токена или нарушение принципа idempotency), обучая студентов навыкам отладки и обработки ошибок.

Таблица2. Структура обучающей симуляции Open Banking (PIS/AIS)

Задача студента	Роль GenAI и симуляция	Критерии оценки
2.1. Чтение API-спецификации	GenAI генерирует часть спецификации (Swagger/OpenAPI): GenAI создает краткое, но запутанное описание API-конечной точки для инициации платежа (/payments). В описание намеренно вводится неясность относительно обязательности некоторых полей или порядка шагов (авторизация/согласие).	Интерпретация требований: Студент должен составить список обязательных полей запроса, указать верный HTTP-метод (POST) и идентифицировать неясность/противоречие в документации.
2.2. Проектирование последовательностей (Счастливый путь)	GenAI проверяет логику PIS: Студент должен описать последовательность запросов и ответов для успешной инициации платежа (Consent Request -> TPP Redirect to Bank Auth -> Auth Token Exchange -> Payment Submission). GenAI имитирует банковский API, подтверждая каждый успешный шаг и передавая следующий токен (имитация "запрос-ответ").	Логическая корректность: Верный порядок шагов (одобрение, аутентификация, выполнение). GenAI проверяет, что студент не пропустил шаг "Согласие клиента" (SCA/PSD2).
2.3. Дизайн негативных сценариев	GenAI как Генератор Neg-кейсов: GenAI предлагает студенту 5 различных негативных ситуаций (например, истек срок действия согласия, неверный токен, недостаточно средств на счете, блокировка счета по AML). Студент должен спроектировать ожидаемый ответ API (HTTP-код и код ошибки).	Навык отладки: Студент правильно определяет HTTP-код ошибки (например, 403 Forbidden или 400 Bad Request) и описывает, как TPP должен обработать эту ошибку.

3. Модуль: CBDC/Стейблкоины

Роль студента: Эксперт Центрального банка / Регулятор.

Суть симуляции: Фокус на стратегических и архитектурных дileммах (уровни L0–L2). Студенты принимают решения по модели дистрибуции (прямая vs. двухуровневая) и архитектурным компромиссам (баланс между приватностью и AML-совместимостью). В симуляционных кейсах GenAI генерирует сценарии оффлайн-платежей с задержанной синхронизацией, где студент должен предложить механизм предотвращения двойной траты (double spending), а также проанализировать, как выбранная модель влияет на финансовую стабильность коммерческих банков.

Таблица 3. Структура обучающей симуляции CBDC/Стейблкоины

Задача студента	Роль GenAI и симуляция	Критерии оценки
3.1. Архитектурные компромиссы (Эмиссия/Дистрибуция)	GenAI генерирует ЦБ-дileмму: Студенту предлагается выбрать модель CBDC (на основе счетов vs. на основе токенов) и модель дистрибуции (прямая vs. двухуровневая). GenAI моделирует последствия этого выбора, например, генерируя отчет о том, что "прямая модель привела к закрытию 50% коммерческих банков" или "модель токенов не позволяет проводить компилаенс-проверки".	Обоснование выбора: Студент должен объяснить, какой компромисс он сделал (например, Приватность vs. Совместимость с AML) и защитить свой выбор перед "правлением ЦБ" (которое имитирует GenAI).
3.2. Комплаенс-проверки (AML) в CBDC	GenAI симулирует анонимный платеж: GenAI создает сценарий: "Криминальный 'Агент X' пытается совершить оффлайн-платеж CBDC на 5000\$". Студент должен определить, как и на каком уровне (L0, L1, L2) он может отследить эту транзакцию, если CBDC была спроектирована с высоким уровнем приватности.	Понимание архитектуры: Студент должен указать конкретные "точки контроля" (например, использование KYC-кошелька, порог оффлайн-транзакций, метаданные). GenAI дает оценку, насколько эффективна была попытка отслеживания.
3.3. Оффлайн-платеж	GenAI создает проблему синхронизации: Студент проектирует сценарий оффлайн-платежа CBDC. GenAI имитирует сбой сети и спрашивает студента: "Как система избежит двойной траты (double spending), когда устройство вернется в онлайн?".	Техническое решение: Студент должен предложить технический или криптографический механизм, который предотвратит двойную трату (например, использование защищенного элемента Secure Element, ограничение баланса, временные метки), что GenAI проверяет на корректность.

4. Модуль: Регтех (KYC/AML)

Роль студента: Аналитик транзакционного мониторинга.

Суть симуляции: Студенты работают с транзакционными лентами, сгенерированными GenAI, которые содержат «скрытые» красные флаги (структурное оформление платежей, аномальная скорость, нелогичная география). Задача — разработать и протестировать простые правила мониторинга и пороговые значения. ИИ выступает в роли системы отчетности, которая оценивает эффективность правила, показывая количество ложных срабатываний (False Positives) и пропущенных инцидентов (False Negatives), что стимулирует студентов к итеративному улучшению комплаенс-контроля.

Таблица 4. Структура обучающей симуляции Регтех (KYC/AML)

Задача студента	Роль GenAI и симуляция	Критерии оценки
4.1. Классификация "Красных флагов"	GenAI генерирует "Подозрительную транзакцию": GenAI создает описание одной крупной и нескольких мелких транзакций для клиента-юридического лица, включая: 1. Необычное время. 2. Связь с санкционированной страной. 3. Использование сложных схем (например, многоступенчатый перевод).	Навык классификации: Студент должен выявить и классифицировать все «красные флаги» (например, «Географический риск», «Транзакционный риск: Дробление»).
4.2. Сценарии транзакционного мониторинга	GenAI как Система Мониторинга: Студент должен формализовать правило AML (например, «Сообщать о любой транзакции, превышающей 10 000\$, если она совершена между 22:00 и 06:00»). GenAI генерирует 10 записей с реальными транзакциями и проверяет, сколько ложных срабатываний (False Positives) или пропущенных инцидентов (False Negatives) дало правило студента.	Оптимизация правил: Студент должен переформулировать правило, чтобы минимизировать ложные срабатывания, сохраняя при этом эффективность обнаружения. GenAI помогает ему итеративно улучшить правило.
4.3. Принятие решения по KYC	GenAI генерирует неполное KYC-досье: GenAI создает досье нового клиента (физического или юридического лица) с пробелами в данных (например, отсутствует подтверждение источника средств, но есть политически значимая связь – РЕП-статус). Студент должен принять решение: Одобрить/Отклонить/Запросить доп. информацию.	Управление риском: Студент должен письменно обосновать свое решение, ссылаясь на внутренние политики и регуляторные требования. GenAI оценивает, насколько решение соответствует международным стандартам AML/KYC.

Для обеспечения качества материалов применялась двухконтурная верификация: экспертный просмотр преподавателя (корректность терминов/стандартов) и машинная самопроверка через контр-промпты к GenAI (подтверждение нормативной базы и контрольные примеры). Данные обработаны с помощью статистических инструментов (SPSS), включая t-тест для выявления различий в знаниях. Этика соблюдена: анонимность респондентов, информированное согласие.

Результаты исследования. Эксперимент проведен в группах студентов: 24 магистра и 110 бакалавров Университета мировой экономики и дипломатии (Узбекистан). Средний уровень понимания концепций вырос на 35 % (с 4,2 до 5,7 по 7-балльной шкале) после использования ИИ-генерированных сценариев. Например, симуляция open banking на основе реальных данных Узбекистана (интеграция с HUMO) позволила студентам моделировать переводы между банками без физического присутствия, имитируя API-запросы. ИИ генерировал персонализированные сценарии: для одного студента — трансграничный платеж в CBDC (цифровой сум), для другого — интеграцию с финтех-приложениями вроде Payme. Результаты опроса показали, что 82 % бакалавров отметили повышение мотивации благодаря интерактивности, а магистры (75 %) подчеркнули практическую ценность для карьеры.

Таблица 5. Сравнение традиционных занятий и ИИ-симуляций в обучении.

Показатель	Традиционные методы (лекции)	ИИ-симуляции (open banking/CBDC)
Уровень понимания (средний балл)	4,2	5,7
Вовлеченность студентов (%)	55	85
Время на освоение сценария (мин)	45	20
Количество ошибок в тесте (%)	28	12

Анализ выявил, что генерация 100 сценариев заняла менее 5 минут, с точностью 92 % в соответствии с нормами [2]. В контексте Узбекистана симуляции интегрировали данные о цифровизации Anor Bank (мобильное приложение с Face ID), демонстрируя, как CBDC может снизить риски в традиционном банкинге.

Заключение. Интеграция генеративного ИИ с симуляциями платёжных процессов, open banking и CBDC сделало курс по международным финансовым технологиям более практикоориентированным и привело к повышению понимания, мотивации и практических навыков. Дальнейшие исследования будут фокусироваться на масштабировании ИИ-симуляций в онлайн-курсах, с акцентом на этические аспекты и регуляторные рамки.

Литература

1. McKinsey & Company. *The Future of Digital Finance: AI-Driven Simulations in Education*. — 2024. — URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/the-future-of-digital-finance> (дата обращения: 28.10.2025).
2. Bakoeva G. M. *Analysis of Banks Activities That Have Successfully Implemented Digital Innovations in Uzbekistan // American Journal of Business Management, Economics, and Banking*. — 2023. — Vol. 31. — P. 7–16.

ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Коротин Кирилл Владимирович

соискатель

Финансовый университет при Правительстве Российской

Федерации,

Москва, Российская федерация

Аннотация. Актуальность статьи заключается в увеличении объемов кредитования в Российской Федерации и как следствие увеличении рисков экономической безопасности, связанных с функционированием финансового рынка. В статье анализируются теоретические подходы к оценке влияния финансовых рынков на состояние экономической безопасности государства. На основании проведенного теоретического анализа обосновывается актуальность использования экономических показателей для оценки экономической безопасности финансового рынка как значимого элемента в системе экономической безопасности государства.

Ключевые слова: экономическая безопасность, финансовый рынок, показатели экономической безопасности, финансовая безопасность

Термин «Финансовый рынок» имеет множество определений, характеризующих разные его аспекты: функции, субъекты, сущность экономических отношений. Каждый из этих аспектов имеет в свою очередь свое отражение в системе экономической безопасности государства.

Определения финансового рынка Рубцовым Б. Б. [1] и описание функций финансового рынка Ю. А. Даниловым [2] в совокупности характеризуют финансовый рынок как часть экономического пространства государства, на которой осуществляется формирование цены и дальнейшее перераспределение финансовых ресурсов. В качестве субъектов или составляющих субъектов финансового рынка Галочкина О. А. выделяет валютные, кредитные и страховые рынки а также рынки ценных бумаг и золота [3, с. 10–11].

Значение финансовых рынков для российской экономики и как следствие для обеспечения ее экономической безопасности с течением времени

увеличивается. Наиболее наглядно данный тезис подтверждает статистика Банка России по выданным кредитам, представленная на рисунке 1.

Рисунок 1.

Показатели кредитного рынка Российской Федерации 2019–2025 гг.

Источник: Составлено автором по данным [4]

Продемонстрированное на рисунке 1 изменение объемов задолженности по выданным кредитам свидетельствует о повышении значимости состояния финансового рынка в контексте обеспечения экономической безопасности. При этом, необходимо отметить, что зачастую оценка состояния финансового рынка и его субъектов приводится для целей предупреждения или минимизации последствий непосредственно финансовых кризисов. В данном случае неминуемо возникает пересечение дисциплин экономической безопасности и финансов.

Для определения перспективности исследований оценки состояния защищенности финансового рынка в системе экономической безопасности без углубления в финансовые дисциплины целесообразно проанализировать теоретические сведения о роли финансового рынка в обеспечении экономической безопасности.

Наиболее широко известные российские ученые, посвятившие свои исследования вопросам обеспечения экономической безопасности — В. К. Сенчагов, С. Ю. Глазьев а также Л. И. Абалкин отмечают роль финансовых рынков в обеспечении экономической безопасности. В. К. Сенчагов отмечал, что

влияние на экономику с помощью инструментов финансового рынка без системы пороговых значений является ошибочным подходом [5, с. 998]. Также исследование В. К. Сенчагова по вопросам влияния финансово-экономических кризисов 1998 года и 2008–2009 годов на индикаторы экономической безопасности России не только подтверждает тезис о взаимосвязи экономической безопасности и состояния защищенности финансового рынка, но и подчеркивает значимость использования индикаторов и пороговых значений, количественно отражающих угрозы экономической безопасности финансового рынка [6]. Устойчивость финансовой системы является неотъемлемым критерием эффективного развития экономики страны — данной позиции придерживались Л. И. Абалкин и В. К. Сенчагов [7, 8]. В последствии позиция нашла отражение в принятой в 1996 году Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации [9]. Устойчивое развитие национальной системы выделяется в качестве направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности и в актуальной по состоянию на 2025 год «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [10]. Л. И. Абалкин также отмечал, что состояние финансового рынка (процентных ставок коммерческих банков) и рентабельность предприятий связаны между собой [11]. Глазьев С. Ю. отмечает, что финансовый рынок может не только способствовать развитию, но и быть источником дестабилизации Российской Экономики [12].

Приведенные позиции российских ученых, впоследствии нашедшие отражение в нормативно-правовой базе по вопросу обеспечения экономической безопасности, подтверждают значимость финансового рынка в вопросе обеспечения экономической безопасности. Нерешенным остается вопрос категории угроз и их влияния непосредственно на экономическое пространство. Н. С. Зиядуллаев, говоря о вкладе банковского сектора (по сути субъекта финансового рынка) отмечает в обеспечение экономической безопасности, отмечает солидные наработки для оценки финансовой безопасности, то есть разработки в области финансовых дисциплин, отмечая превалирование финансовых критерии в оценке. В дальнейшем, Н. С. Зиядуллаев приводит оценку экономической безопасности конкретного банка для целей анализа экономической безопасности государства, применяя факторы, характеризующие социальную направленность деятельности банков — доступность кредитов, территориальный охват и уровень доверия населения и бизнеса.

Разработанный Н. С. Зиядуллаевым подход представляет ценность для исследования вопроса обеспечения экономической безопасности финансового рынка Российской Федерации. Ценность данного подхода также заключается в обосновании применения показателей, которые не напрямую связаны с финансовыми дисциплинами. Зачастую, в научном сообществе исследования посвященные

состоянию финансового рынка представляют собой анализ финансовой безопасности, в котором основополагающая цель — предупреждение финансовых кризисов. В данных исследованиях объектом является именно финансовая безопасность. С точки зрения экономической безопасности в абстракции от финансовых показателей функционирования финансового рынка, наиболее ценным для анализа в российской экономике вероятно будет являться рыночная ставка. Данный показатель можно считать экономическим прежде всего потому, что по своей сути он представляет собой рыночные цены на товар — заемный капитал. Как и в случае с ценами на другие товары и услуги, цена заемного капитала (рыночные ставки по кредитам), будет зависеть от спроса и предложения, оценки возможных колебаний рынка и других факторов.

Приведенный теоретический анализ роли финансового рынка в обеспечении экономической безопасности подтверждает актуальность вопроса исследования экономической безопасности финансового рынка. При этом анализ оценки состояния экономической безопасности может включать в себя показатели, относящиеся непосредственно к экономическим дисциплинам. В данном случае, целью анализа будет не предупреждение финансовых кризисов, а минимизация ущерба экономическому пространству. Высокие рыночные ставки приводят к повышению процентных расходов у организаций, что в последствии находит отображение на общем уровне цен, то есть приводит к повышению инфляции. Показатели экономической безопасности финансового рынка необходимо анализировать в совокупности с другими показателями экономической безопасности в качестве единой системы.

Список литературы

1. Рубцов Борис Борисович *Глобальные финансовые рынки: масштабы, структура, регулирование // Век глобализации. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-finansovye-ryynki-masshtaby-struktura-regulirovaniye> (дата обращения: 03.11.2025).*
2. Данилов, Ю. А. *Реформа финансовых рынков и небанковского финансового сектора: [доклад] / Ю. А. Данилов, А. Е. Абрамов, О. В. Буклемишиев; Центр стратегических разработок.— Москва: РАНХиГС, 2017.— 102 с.— Текст: непосредственный.*
3. Галочкина, О. А. *Финансы: Учебное пособие / О. А. Галочкина, И. А. Жильева, К. А. Кожухина — СПб.: Изд-во Университета при МПА ЕврАЗЭС, 2022.— 82 с.— Текст: непосредственный*
4. [Электронный ресурс] // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (Дата обращения 20.11.2025).

5. Сенчагов, В. К. Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность / В. К. Сенчагов.— Москва: Анкил, 2010.— 1120 с.— Текст: непосредственный.
6. Сенчагов Вячеслав Константинович, Митяков Сергей Николаевич Сравнительный анализ влияния финансово-экономических кризисов 1998 года и 2008–2009 годов на индикаторы экономической безопасности России // Финансы: теория и практика. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-vliyaniya-finansovoekonomicheskikh-krizisov-1998-goda-i-2008–2009-godov-na-indikatory-ekonomicheskoy-bezopasnosti-1> (дата обращения: 21.11.2025).
7. Абалкин Л. И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. М.: Наука, 2002.— 482 с.— Текст: непосредственный.
8. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России [Текст]: монография / [В. К. Сенчагов и др.]; под ред. В. К. Сенчагова; Российской акад. естественных наук, Секция проблем макроэкономики и социального рыночного хоз-ва.— Москва: Анкил, 2013.— 683 — Текст: непосредственный.
9. Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92725/ (дата обращения: 04.12.2025).
10. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/) (дата обращения: 04.12.2025).
11. Абалкин Л. И. Россия: поиск самоопределения: очерки / Леонид Абалкин.— 2-е изд., доп.— М: Наука, 2005.— 464 с.— ISBN 5-02-033811-7 (в пер.).
12. Глазьев Сергей Юрьевич Стабилизация валютно-финансового рынка как необходимое условие перехода к устойчивому развитию // Экономика региона. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stabilizatsiya-valyutno-finansovogo-ryntka-kak-neobhodimoe-uslovie-perehoda-k-ustoychivomu-razvitiyu> (дата обращения: 21.11.2025).
13. Тулупов, А. С. Оценка вклада банковского сектора в обеспечение экономической безопасности* / А. С. Тулупов, Н. С. Зиядуллаев, У. Зиядуллаев // Экономика и математические методы.— 2021.— Т. 57, № 1.— С. 63–73.— DOI 10.31857/S042473880014079–5.— EDN EPXTRI.

DOI 10.34660/INF.2025.89.46.006

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАЙМОДЕЙСТВИЯ МВД РОССИИ И ФСИН РОССИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Нукаев Ерген Аулиханович

студент

Челябинский государственный университет

Аннотация: в статье проводится анализ проблем информационного взаимодействия между органами внутренних дел и учреждениями уголовно-исполнительной системы при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Автор выявляют проблему в организации информационного обмена между ведомствами, включая отсутствие единой информационной системы, нарушение сроков передачи материалов. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию информационного взаимодействия, включая создание единой межведомственной информационной платформы, внедрение электронного документооборота и разработку системы автоматического контроля соблюдения сроков. Реализация предложенных решений позволит повысить эффективность административного надзора как инструмента предупреждения рецидивной преступности.

Ключевые слова: административный надзор, информационное взаимодействие, МВД, ФСИН, рецидивная преступность, информационная система, электронный документооборот.

В январе-декабре 2024 года зарегистрировано 1911,3 тыс. преступлений, или на 1,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 28 субъектах Российской Федерации, снижение — в 57 субъектах. Больше половины (57,1%) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершившими преступления. Лидерами являются Республика Северная Осетия — Алания, Республика Ингушетия и Московская область [1].

В январе — ноябре 2024 года Генпрокуратура сообщила о снижении уровня рецидивной преступности на 13,3 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 года (с более чем 547 тыс. до 475,2 тыс. преступлений). По данным на январь — март 2025 года, количество уголовных преступлений, совершённых

ранее судимыми гражданами, уменьшилось на 16,5 %. За девять месяцев 2025 года число таких преступлений снизилось на 15 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года.

Ранее, в 2023 году, на Петербургском международном юридическом форуме, директор Федеральной службы исполнения наказаний РФ Аркадий Гостев сообщал, что около 60 % всех преступлений в России совершают лица, ранее уже осуждённые. Эти данные отражают общую тенденцию к снижению рецидивной преступности в последние годы, хотя проблема остаётся актуальной.

В этих условиях особую значимость приобретает эффективное взаимодействие Федеральной службы исполнения наказаний¹ и Министерства внутренних дел² при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о существовании системных проблем в организации такого взаимодействия, что снижает эффективность профилактики рецидивной преступности.

Взаимодействие МВД и ФСИН при осуществлении административного надзора регулируется комплексом нормативных правовых актов. Ключевыми из них являются Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [2], Уголовно-исполнительный кодекс РФ, а также Приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [3].

В соответствии с ч. 3 ст. 173.1 УИК РФ и ч. 7 ст. 270 КАС РФ не позднее чем за два месяца до истечения срока отбывания наказания администрация исправительного учреждения подает в суд заявление об установлении административного надзора по основаниям, предусмотренным федеральным законом. При этом администрация учреждения обязана не позднее чем за шесть месяцев до окончания срока отбывания наказания сделать запрос в орган внутренних дел по избранному осужденным месту жительства о возможности его реального проживания в указанном адресе.

Согласно ст. 15.2 Приказа МВД России № 818 после вступления в законную силу решения суда об установлении административного надзора администрация исправительного учреждения в течение семи дней обязана направить копию данного решения в территориальный орган МВД России на районном уровне по избранному лицом месту жительства или пребывания.

Таким образом, с точки зрения нормативного регулирования, между ФСИН и МВД выстроена система взаимодействия, которая должна обеспечивать непрерывность контроля за поведением освобожденных осужденных.

¹ Далее – «ФСИН».

² Далее – «МВД».

Анализ практики показывает, что на сегодняшний день отсутствует единая информационная платформа, объединяющая данные ФСИН и МВД о лицах, находящихся под административным надзором. Как отмечают Горовой В. В. и Степанова Т. В., в 35 % случаев запросы об установлении административного надзора направляются с нарушением установленных сроков. Это напрямую связано с отсутствием оперативного доступа к информации о предстоящем освобождении осужденных [4].

Для решения проблемы информационного взаимодействия необходимо создать единую информационную систему, объединяющую данные ФСИН и МВД. Такая платформа должна включать:

- Единый электронный реестр осужденных, подлежащих освобождению;
- Автоматизированную систему оповещения о предстоящем освобождении;
- Электронные учетные карточки лиц, состоящих на профилактическом учете;
- Механизм автоматического информирования территориальных органов МВД о решениях суда об установлении административного надзора.

Единая информационная платформа должна быть интегрирована с существующими системами: ИСОД МВД России, ГИАЦ МВД России, Системой «Сервис обеспечения охраны общественного порядка» (СООП) и внутренними системами ФСИН.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность профилактической работы за счет оперативного доступа к актуальной информации и снизить уровень рецидивной преступности среди освободившихся из мест лишения свободы. Комплексное решение проблем информационного взаимодействия между МВД и ФСИН создаст условия для перехода от формального контроля к эффективной системе профилактики рецидивной преступности.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России.— Москва, 2024.— С. 5.
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации.— 2011.— № 15.— Ст. 2011.
3. Приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» [Зарегистрировано в Минюсте России 19.08.2011 № 21672].
4. Горовой, В. В., Степанова, Т. В. Проблемы осуществления административного надзора // Право и государство: теория и практика.— 2022.— № 2 (206).

ОТ КАРАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ К РЕСОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТ. 79 УИК РФ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВА

Нукаев Ерген Аулиханович

студент

Челябинский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается проблема недостаточной эффективности ресоциализации осуждённых в Российской Федерации, проявляющаяся в высоком уровне рецидивной преступности. Автор обосновывает необходимость смещения акцентов в уголовно-исполнительной политике с карательной модели на ресоциализирующую, что соответствует современным стратегическим установкам (Концепция развития УИС РФ до 2030 года, Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ).

Ключевые слова: ресоциализация, уголовно-исполнительная система, подготовка к освобождению, индивидуальная программа, профилактика рецидива, ст. 79 УИК РФ, пробация.

Ежегодно из исправительных учреждений в Российской Федерации освобождаются сотни тысяч бывших осужденных. Значительная часть которых вновь совершает преступления. Рост рецидивной преступности вызвал необходимость разработки и принятия закона, закрепляющего эффективный механизм надзора, направленный на предупреждение совершения лицами, освобожденными из мест лишения свободы, новых преступлений и других правонарушений.

Результатом многолетних дискуссий стало принятие Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», который вступил в силу с 1 июля 2011 г.

Еще задолго до прибытия в исправительную колонию лица, содержащиеся под стражей, проходят сложные этапы адаптации к условиям ИВС и СИЗО. Прибытие после следственного изолятора в исправительное учреждение для всякого уже осуждённого является повторным потрясением.

Е.С Ильина выделяет два вида первичной адаптации: позитивная и негативная. Основными признаками позитивной адаптации осуждённых являются

соответствие поведения действительной информации о перспективах пребывания в местах лишения свободы, соблюдение режима отбывания наказания и требований администрации, способность контролировать свое поведение и эмоции. Однако случается и так, что осуждённые, чаще всего рецидивисты, настолько сживаются с необычными для нормального человека условиями лишения свободы, что считают и воспринимают их обычными и перестают замечать, что проявляется в негативной адаптации [7].

С.Л Бабаян утверждает, что этап подготовки осуждённых к освобождению должен и может начинаться с первого дня начала отбывания наказания в виде лишения свободы. Соответственно, работу по подготовке осуждённых к освобождению необходимо начинать с момента их прибытия в колонию [6]. В качестве первого этапа работы по подготовке к освобождению необходимо выделить этап первичной адаптации, продолжительность первичной адаптации зависит от адаптивных способностей индивида и продолжается в среднем от 3 до 5 месяцев.

Первые три — пять месяцев, для заключенных, пребывания в условиях исправительного учреждения являются наиболее яркими и вместе с тем наиболее трудными. Многие говорят о том, что, если бы их освободили через два — три месяца после пребывания в колонии, они бы ни за что в жизни больше не совершили преступления, в первую очередь из-за страха перед тюрьмой [5].

Статья 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, предъявляет требования к раздельному содержанию осуждённых, предусмотрена изоляция лиц, впервые осуждённых к лишению свободы, от лиц, ранее отбывавших лишение свободы [4].

Сотрудники исправительных учреждений, для успешной работы по ресоциализации осуждённых, должны знать личностные особенности каждого из них.

Первоначальные мероприятия по изучению личности могут производиться с момента начала уголовного преследования. С учетом того, что ч. 3 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] требует при назначении наказания учитывать личность виновного. Работа по изучению личности преступника на первоначальном этапе в настоящий момент ведется следователями и дознавателями.

С. В. Березиков указывает, что результатом работы по изучению личности осуждённого на этапе первичной адаптации будет являться социально-психологический портрет осуждённого, на основании которого необходимо составить программу работы с ним.

Современная уголовно-исполнительная система Российской Федерации переживает этап существенной трансформации, ориентированной на смещение акцентов от карательной модели к ресоциализирующей. Ключевой

целью становится не просто изоляция правонарушителя, но и его подготовка к законопослушной жизни после освобождения. Этот вектор закреплён в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 года, а также в Федеральном законе от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [3].

Между тем на практике процесс ресоциализации зачастую начинается слишком поздно — за 9 месяцев до освобождения, когда у осуждённого остаётся недостаточно времени для полноценной адаптации к условиям жизни на свободе. Более раннее и системное изучение личности позволило бы: выявить глубинные причины совершения преступления; определить индивидуальные риски рецидива; выстроить персонализированную траекторию исправления; своевременно подключить необходимые ресурсы (психологическую помощь, профобучение, социальную поддержку).

Сегодня приём осуждённых в исправительное учреждение регламентирован ст. 79 УИК РФ, которая ограничивается порядком приёма и помещением в карантинное отделение на срок до 15 суток [2].

Однако в этой статье отсутствует норма о целенаправленном изучении личности осуждённого с первых дней его пребывания в учреждении. Карантинное отделение, по сути, используется лишь для медико-санитарных мероприятий, а не для психолого-педагогической диагностики и планирования ресоциализации.

Между тем именно начальный период отбывания наказания — наиболее благоприятное время для установления доверительного контакта с осуждённым, сбора объективной информации о его жизненном пути, ценностных ориентациях, социальных связях, выявления кrimиногенных факторов (например, зависимости, агрессивности, отсутствия трудовых навыков).

Без такой ранней диагностики последующие меры ресоциализации рисуют оказаться фрагментарными и малоэффективными, поскольку не учитывают индивидуальные особенности осуждённого, не нацелены на устранение конкретных причин девиантного поведения, не позволяют своевременно скорректировать воспитательное воздействие.

Учитывая вышеизложенное необходимо внести изменения в ст. 79 УИК РФ «Прием осуждённых к лишению свободы в исправительные учреждения», дополнив её частью 3, которую изложить в следующей редакции: «В период нахождения осуждённого в карантинном отделении, а также на последующих этапах исполнения наказания организуется всестороннее изучение его личности, выявляются причины совершения лицом преступления и условия, способствовавшие этому. По результатам изучения личности в течение трех месяцев с момента прибытия осуждённого в исправительное учреждение составляется индивидуальная программа по подготовке осуждённого к освобождению».

Это позволит обеспечить преемственность между этапами отбывания наказания и постпенитенциарной адаптации, повысить эффективность исправительно-го воздействия и снизить риски рецидива после освобождения. Следовательно, внесение соответствующего изменения в ст. 79 УИК РФ станет логичным шагом на пути к гуманизации уголовно-исполнительной системы и реализации прин-ципа ресоциализации, закреплённого в законодательстве РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.11.2024) // Собрание законодательства РФ.— 1996.— № 25.— Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства РФ.— 1997.— № 2.— Ст. 198.
3. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробыации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.— 2023.— № 6.— Ст. 917.
4. Антонян Е. А. Уголовно-исполнительное право: учеб. пособие для студен-ттов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С. Я. Лебедева.— 7-е изд.— М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.— 319 с.
5. Поздняков В. И., Трофимов, В. Ю. Что надо знать осуждённым, от-бывающим наказание в виде лишения свободы впервые: библиотека первой помощи.— М.: НИИ ФСИН России, 2010.— 80 с.
6. Бабаян С. Л. Понятие и правовая природа поощрительных ин-ститутов уголовно-исполнительного права // Вестник Вологодско-го института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.— 2017.— № 18.— С. 33–39.
7. Ильина Е. С. Экстремальная профессия — сотрудник УИС // Развитие личности.— 2015.— № 4.— С. 18–27.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Кочнева Дарья Сергеевна

студент

Челябинский государственный университет

Аннотация. В данной научной работе рассматривается историко-правовой аспект взаимодействия прокуратуры и судебной власти, что представляет собой важный элемент правовой науки. Исследование посвящено эволюции их функциональных полномочий, механизмов контроля за законностью судебных решений и особенностям развития данных институтов в различные исторические периоды. Предложены перспективы совершенствования взаимодействия через законодательное урегулирование, внедрение технологий и изучение международного опыта.

Ключевые слова: прокуратура, судебная власть, историко-правовой анализ, взаимодействие, независимость судей, законность, реформа, государственный надзор

Исследование исторической динамики отношений между прокуратурой и судебной властью представляет собой важный аспект правовой науки, поскольку именно эти институты традиционно выступают гарантами законности и справедливости в обществе. Проблематика их взаимодействия актуальна не только с точки зрения исторической ретроспектины, но и в контексте современных вызовов правоприменительной практики.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных истории прокуратуры и судебной системы, многие аспекты их взаимодействия остаются недостаточно изученными. В частности, это касается анализа эволюции их функциональных полномочий и механизмов контроля за законностью судебных решений. Данная статья направлена на выявление ключевых этапов формирования и развития взаимоотношений между данными институтами в различных исторических условиях.

История прокуратуры берет свое начало в древнеримском праве, где фигура обвинителя (*accusator*) играла ключевую роль в судебных процессах. Однако первые упоминания о государственном контроле за законностью можно

найти в деятельности римских магистратов, таких как эдилы и квесторы. Эти должностные лица выполняли функции, схожие с современным прокурорским надзором, обеспечивая соблюдение законов и защищая интересы государства.

По мнению известного правоведа Ю. И. Мигачева, «римское право заложило основу для последующего разделения функций обвинения и защиты, что стало отправной точкой для формирования института прокуратуры» [1]. Однако стоит отметить, что в Римской империи отсутствовал единый орган, который бы централизованно осуществлял надзор за деятельностью судей. Это произошло значительно позже, в период становления европейских государств.

Средневековая Европа характеризуется сложным переплетением светской и церковной юрисдикции. Судебная система того времени была фрагментированной: существовали королевские, феодальные и церковные суды, каждый из которых действовал в рамках своих правовых норм. Именно в этот период стали формироваться первые механизмы контроля за деятельностью судей, что легло в основу будущего прокурорского надзора.

Как отмечает историк права Галузо В. Н., «церковные суды сыграли особую роль в развитии института прокуратуры, поскольку именно они впервые ввели практику назначения специальных лиц для представления интересов государства в судебных процессах» [2]. Эти лица, получившие название «прокураторы» (от лат. *procurator* — уполномоченный), выполняли функции, схожие с современными прокурорами.

Институт прокуратуры в России был создан как часть масштабных реформ, направленных на модернизацию государственного управления при Петре I. Указ от 12 января 1722 года «Об учреждении прокуратуры» стал не просто административным актом, а революционным шагом в развитии государственного права [3]. Прокуратура была задумана как единая вертикаль, подчиняющаяся непосредственно императору, что обеспечивало её независимость от местных властей и бюрократических структур.

Прокуроры получили широкие полномочия по надзору за исполнением законов. Важно отметить, что их функции выходили далеко за рамки участия в судебных процессах. Они обязаны были контролировать деятельность всех государственных органов, включая суды, следственные органы, администрацию и даже церковь. Это делало прокуратуру уникальным институтом, сочетающим в себе роли обвинителя, наблюдателя и защитника государственных интересов.

Как подчеркивает профессор Ю. А. Тихомиров в своих исследованиях, «прокуратура в России изначально была ориентирована на выполнение двойной задачи: представление интересов государства в суде и обеспечение законности в действиях всех ветвей власти» [4]. Этот подход отличал российскую модель от западноевропейской, где прокуратура чаще всего выполняла узко специализированные функции обвинения.

Особенностью российской прокуратуры было то, что она создавалась как институт государственного контроля, а не только как участник судебного процесса. В отличие от западных стран, где прокуратура часто ограничивалась ролью стороны обвинения, в России она сразу стала многофункциональным органом.

Например, прокуроры могли:

- проверять законность действий судей и других должностных лиц;
- требовать пересмотра судебных решений, если они противоречили закону;
- выявлять и пресекать злоупотребления в системе государственного управления.

Эта универсальность была обусловлена политическими и административными особенностями России того времени. Государство стремилось создать механизм, способный эффективно противостоять коррупции, произволу чиновников и феодальной раздробленности. По мнению историка права А. В. Мигачева, «прокуратура стала одним из ключевых инструментов централизации власти в России, что объясняет её исключительное положение в системе государственного управления».

Судебная реформа 1864 года стала важнейшим этапом в развитии правовой системы России. Она внесла принципиальные изменения в организацию судебной власти, установив независимость судей и принцип равенства всех перед законом. Однако, несмотря на эти нововведения, прокуратура сохранила своё право надзора за законностью судебных решений. Это стало компромиссом между необходимостью обеспечения независимости судей и сохранением контроля со стороны государства.

По мнению правоведа Л. В. Лазарева, «судебная реформа 1864 года стала примером тонкого баланса между прогрессивными идеями и консервативными традициями российского права» [5]. Реформа закрепила разделение властей, но одновременно оставила за прокуратурой функции надзора, что позволяло предотвращать возможные нарушения законности в судебной системе.

Одним из ключевых нововведений реформы стало введение института обжалования судебных решений через прокуратуру. Прокуроры получили право подавать протесты на решения судов, если считали их незаконными или необоснованными. Это создало дополнительный механизм защиты прав граждан и гарантит справедливости.

Несмотря на очевидные достижения судебной реформы, её реализация сопровождалась рядом противоречий. Во-первых, сохранение за прокуратурой права надзора за судами вызывало дискуссии о том, насколько это соответствует принципу независимости судебной власти. Некоторые исследователи, такие как Шумилина А. А., считали, что подобный контроль может быть воспринят как давление на судей и ограничение их свободы в принятии решений [6].

Во-вторых, реформа не смогла полностью ликвидировать коррупцию и злоупотребления в судебной системе. Как отмечает историк Куз И. Н., «хотя судебная реформа 1864 года значительно повысила уровень законности, она не устранила глубинные проблемы, связанные с бюрократизмом и недостатком профессионализма среди судей и прокуроров» [7].

Взаимодействие прокуратуры и судебной власти представляет собой сложный и многогранный процесс, который сталкивается с рядом проблемных аспектов. Одним из ключевых вопросов остаются коллизии компетенции, которые возникают из-за пересечения функций и полномочий данных институтов. Зачастую законодательство не предоставляет четких границ их деятельности, что приводит к дублированию задач или спорам о том, кто именно должен решать тот или иной вопрос. Например, в делах об административных правонарушениях или при контроле за исполнением судебных решений могут возникать ситуации, когда обе стороны считают себя ответственными за конкретное направление работы. Это приводит к неэффективности и замедлению процессов, что особенно критично в условиях современных вызовов.

Еще одной важной проблемой является обеспечение сбалансированности полномочий между прокуратурой и судебной властью. Исторически сложилось, что прокуратура часто занимает доминирующую позицию, особенно в государствах с сильной вертикалью власти. Такая ситуация может подавлять независимость судей и снижать доверие граждан к судебной системе. Суды, в свою очередь, иногда оказываются под давлением со стороны прокурорских органов, особенно в уголовных делах, где прокуратура стремится добиться обвинительного приговора. Отсутствие четких механизмов взаимодействия усугубляет ситуацию, так как одна сторона может действовать в ущерб другой, что снижает общую эффективность правосудия. Для решения этих проблем необходимо не только внедрять механизмы контроля и мониторинга, но и проводить регулятивные реформы, направленные на гармонизацию функций обеих институтций.

Гарантии независимости судебной власти также остаются одной из ключевых проблем в контексте взаимодействия с прокуратурой. Независимость судей является основополагающим принципом правового государства, однако на практике этот принцип часто оказывается под угрозой. В условиях, когда прокуратура подчинена исполнительной власти, существует риск передачи политического давления на судебную систему через прокурорские органы. Кроме того, прокуратура, обладая широкими полномочиями, иногда допускает вмешательство в процессуальные вопросы, что может повлиять на объективность судей. Не всегда эффективно работают механизмы защиты судей от внешнего давления, особенно в случаях, когда прокуратура инициирует проверки или дисциплинарные расследования в отношении судей. Для укрепления независимости судебной власти требуется усиливать институт судебной автономии,

внедрять механизмы защиты судей и совершенствовать законодательство, регулирующее взаимодействие прокуратуры и судов.

Перспективы развития взаимодействия прокуратуры и судебной власти связаны с комплексным подходом к решению существующих проблем. Важным шагом станет законодательное урегулирование, которое должно четко разграничивать компетенцию прокуратуры и судов, а также усиливать гарантии независимости судебной власти. Современные технологии могут сыграть значительную роль в повышении прозрачности взаимодействия между институтами, например, через создание единой информационной системы для обмена данными. Обучение и повышение квалификации сотрудников прокуратуры и судей также являются важным направлением, так как совместные семинары и тренинги помогут улучшить взаимопонимание и выработать единые подходы к работе. Международный опыт также может быть полезен: изучение опыта зарубежных стран, где взаимодействие прокуратуры и судебной власти организовано наиболее эффективно, позволит адаптировать лучшие практики для отечественной системы. Наконец, усиление роли общественного контроля, включая участие общественных организаций и средств массовой информации, поможет обеспечить большую открытость и доверие к работе данных институтов.

Таким образом, проблемные аспекты взаимодействия прокуратуры и судебной власти требуют внимательного анализа и постоянной работы над совершенствованием нормативной базы, процедур и механизмов координации. Только при условии сбалансированного взаимодействия двух институтов возможно достижение высокого уровня правосудия и защиты прав граждан. Перспективы развития связаны с внедрением современных технологий, использованием международного опыта и укреплением принципа независимости судебной власти, что позволит создать более эффективную и справедливую систему правосудия.

Список литературы

1. Мигачев, Ю. И. Теоретико-правовые основы государственного контроля (административные и финансовые аспекты) / Ю. И. Мигачев, И. А. Муравьев // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 3(76). — С. 79–86.
2. Галузо, В. Н. История прокуратуры или история должности прокурора в России: допустимо ли отождествление? / В. Н. Галузо // Закон и право. — 2014. — № 8. — С. 43–46.
3. Указ Петра I «Об учреждении прокуратуры» от 12 января 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. — СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 6. — С. 172–173. — № 3877.

4. Тихомиров, Ю. Участие прокуратуры в нормотворческой деятельности на региональном и муниципальном уровнях / Ю. Тихомиров, Л. Андриченко // Законность.— 2008.— № 7(885).— С. 2–7.
5. Лазарева, Л. В. Специальные знания как инструмент криминалистического сопровождения расследования преступлений / Л. В. Лазарева // Криминалистическое сопровождение расследования преступлений: проблемы и пути их решения: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Крылова Ивана Филипповича, Москва, 19 февраля 2016 года.— Москва: КТ «Буки-Веди», 2016.— С. 345–349.
6. Шумилин, А. А. История развития прокуратуры России / А. А. Шумилин // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тула, 20 июня 2022 года.— Тула: Всероссийский государственный университет юстиции, 2022.— С. 106–109.
7. Куц, И. Н. Конституционно-правовое положение прокуратуры РФ: история и современность / И. Н. Куц // Наука молодых: Сборник научных статей по материалам X Всероссийской научно-практической конференции, Арзамас, 30–31 марта 2017 года. Том Выпуск 10.— Арзамас: Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2017.— С. 1266–1270.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Сурудина Елена Александровна

кандидат педагогических наук, доцент

Маркова Анна Владимировна

Московский государственный педагогический университет,

Москва, Россия

Аннотация. В представленном исследовании авторы обосновывают необходимость разрешения противоречия между современными требованиями, установленными в нормативно-правовых документах по дошкольному образованию (ФГОС ДО; ФОП ДО) к развитию познавательных, социальных и коммуникативных компетенций детей и имеющимися ресурсами иноязычного образования. Показано, что устойчивая востребованность со стороны родителей в раннем обучении детей английскому языку, запрос педагогов на интерактивные инструменты, позволяющие расширить возможности существующих образовательных средств, приводит к необходимости разработать учебно-методическое сопровождение по использованию эффективных технологий в обучении детей старшего дошкольного возраста английскому языку.

Ключевые слова: Развитие познавательных, социальных и коммуникативных компетенций детей, востребованность со стороны родителей в раннем обучении детей английскому языку, интерактивные инструменты, учебно-методическое сопровождение, эффективные технологии, обучение детей старшего дошкольного возраста английскому языку.

В психолого-педагогических и лингводидактических исследованиях отечественных и зарубежных авторов (Л. С. Выготский, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев., Е. И. Негневицкая, Р. Робертс, Б. Уайт, В. Пенфильд и др.) установлена целесообразность раннего обучения английскому языку, обусловленная возрастными особенностями детей старшего дошкольного возраста. Дети 5–6 лет имеют ряд специфических особенностей, которые плодотворно влияют на способность приобретать знания в сфере иностранных языков. Благодаря пластичности мозга они легко усваивают фонетические особенности, лексику

и грамматические конструкции иноязычной речи. Фонологическая система, сложившаяся у детей к данному возрастному периоду, обладает удивительной способностью воспроизводить звуки иностранной речи практически без акцента. Такое обучение естественным образом способствует формированию билингвальной компетенции, открывая перед ребенком дополнительные перспективы в когнитивной и социальной сферах. Немаловажным является и тот факт, что, изучая английский язык ребенок одновременно расширяет свои представления о мире, знакомится с зарубежной культурой, традициями, национальными героями и, в целом, расширяет свой кругозор. Именно поэтому правильно выстроенный процесс изучения второго языка становится ключевым фактором дальнейшего развития.

Исходя из психофизиологических особенностей дошкольного возраста перед педагогами английского языка стоит целый комплекс дидактических, развивающих и воспитательных задач, среди которых обучение лексике представляет собой определенный ключ к пониманию и овладению иноязычной речью, без наличия которого невозможно изучение иностранного языка, формирование коммуникативных навыков, развитие способности к свободной устной речевой деятельности.

Изучение вопроса обучения лексике дошкольников началось еще в 60-е годы прошлого века, и одним из ранних вкладов стал подход А. А. Леонтьева, определившего зависимость эффективного обучения от учёта индивидуальных особенностей ребенка и его социального окружения. Позднее, начиная с конца 80-х годов и вплоть до начала двадцать первого века, вопросы обучения лексике стали предметом глубокого изучения таких ученых, как Н. Д. Гальскова, А. А. Миролюбов и З. Н. Никитенко, которые развивали идею коммуникативного подхода, подчеркивая преимущество постоянного контакта с языком, делали акцент на целенаправленный подбор лексики, полезной и доступной для маленьких детей, акцентировали внимание на игровой деятельности и создании благоприятной обстановки для лучшего усвоения лексического материала дошкольниками.

В последнее десятилетие значительный вклад в изучение проблемы внёс А. Н. Щукин, предложивший понятие «лексической компетенции», как составной части «лингвистической компетенции» [5]. По его определению, данная компетенция охватывает не только знание слов и значений, но и умение грамотно употреблять их в различных ситуациях. Такое комплексное видение позволило глубже разобраться в процессах усвоения лексики дошкольниками и направить образовательный процесс в сторону более осознанного накопления словарного запаса.

В зарубежных исследованиях развитие взглядов на раннее обучение лексике английского языка мы наблюдаем в 80-х годах XX столетия. Вирджиния

Френч Аллен приходит к выводу, что истинная мотивация к изучению языковой лексики формируется не в ответ на внешние стимулы, такие как одобрение преподавателя или родителя. Напротив, истинные побуждения возникают при осознании практической ценности изучаемых слов. В исследовании Скотта Торнбери, ученого в области преподавания английского языка, определены задачи формирования словарного запаса второго языка, в которых подчеркивается необходимость устанавливать правильные связи между формой и значением слов, различать значения близкородственных слов; при использовании языка правильно употреблять слова в соответствии с их значением; освоить критическую массу слов для понимания и использования языка; разработать стратегии для преодоления пробелов в знании слов, включая работу с неизвестными словами или незнакомыми значениями известных слов [6].

Также следует отметить, что как зарубежные, так и отечественные авторы отмечают важность лингвострановедческого контекста в развитии лексики английского языка. Это значит, что помимо базовой лексики, детей дошкольного возраста необходимо знакомить с культурными ценностями, национальными традициями, английской детской литературой, ее героями, лексикой «речевого этикета», что в дальнейшем поможет сформировать представление о британской культуре и поможет с быстрым освоением всех аспектов английского языка.

С учетом обозначенных подходов нами были проанализированы образовательные программы «Speaking English with Ace and Christi», В. Н. Мещерякова «I love English», З. Н. Никитенко «Первые шаги в английском языке»; Т. А. Благовещенской «Учим английский язык» с целью выявления их потенциала в обучении старших дошкольников лексике английского языка.

Курс «Speaking English with Ace and Christi» предоставляет возможность для детей в достаточной степени познакомиться с разговорным английским языком, чтобы подготовить их к обучению чтению и разговорной речи на английском языке. Преимущество данной программы в том, что она позволяет активно развивать речь ребенка, пополнять его активный и пассивный словари. Помимо навыка говорения, у детей также формируется и отрабатывается навык аудирования, что является одним из предварительных компонентов усвоения лексики. Однако в программе представлен только словарный минимум, необходимый для общения в повседневной жизни.

В программе В. Н. Мещеряковой «I love English», в ее первой части, ориентированной на детей старшего дошкольного возраста «I can speak», представлены учебник-раскраска с заметками для родителей, рабочая тетрадь с домашними заданиями, методические рекомендации для педагога, доступ на онлайн-приложение с аудиозаписями, наглядные материалы с иллюстрациями изучаемой лексики, а также онлайн-ресурс с видеоматериалами и компьютерными играми для отработки изучаемых лексических единиц. Данный

цифровой компонент, безусловно, является достоинством программы, при этом, следует отметить, что его представленность не в полной мере включает интерактивный аспект, отвечающий интересам современных дошкольников. Культурологический материал представлен ограничено [2].

Представляет также интерес УМК «Первые шаги в английском языке» под авторством З. Н. Никитенко. Стратегической целью курса является развитие личности дошкольника 5–6 лет, его способности к иноязычному общению и готовности к успешному овладению иностранным языком в начальной школе. Все занятия строятся на основе общения с героями мультфильмов, которые знакомы детям. Это делает время, проведенное на занятии, больше похожим на игру, чем на обучение, при этом особое значение придается диалогичности общения. Материал доступен для восприятия и усвоения детьми, а задания ориентированы на развитие базовых лексических навыков, необходимых для общения в рамках тематики, близкой и понятной дошкольникам. Акцент на игровой деятельности и использовании наглядных материалов способствует усвоению и активизации словаря детей. В качестве дополнения было бы важно включить в программу интерактивные и цифровые технологии, подбор современных мультфильмов, и аудиовизуальных продуктов [3].

Учебное пособие, разработанное Т. А. Благовещенской для детей 5–6 лет «Учим английский язык» является частью серии книг «Развитие ребенка», которая включает в себя пособия для детей 3–4 и 5–6 лет. Дополнительные материалы в пособии не представлены. Что касается лексики, ее выбор соответствует возрасту и интересам детей: названия животных, игрушек, цветов, предметов обихода, еды, членов семьи и т. д. Активное использование наглядности (картинок, карточек) для представления новых слов помогает им проводить ассоциации и лучше запоминать слова. Повторение и закрепление лексики в играх, песнях, рифмовках также способствует лучшему усвоению материала. Однако, в некоторых уроках представлены лексические единицы, не соответствующие дошкольному возрасту. Также следует отметить недостаточную структурированность учебного пособия, что может затруднить усвоение лексики. Включение интерактивных продуктов и лингвострановедческого материала в пособии не предусмотрено [1].

Приведенная краткая характеристика наиболее востребованных учебно-методических пособий позволило нам выявить дефицит, как современных интерактивных технологий, в том числе цифровых, так и ограниченность культурологической составляющей в содержании учебно-методических материалов.

Для выявления особенностей работы педагогов английского языка по обучению лексики детей старшего дошкольного возраста было проведено эмпирическое исследование, включающее анкетирование на платформе Гугл-форм. В анкетировании приняли участие 50 педагогов Москвы и Московской области.

Вопросы анкеты были сформированы в три блока и ориентированы на оценку значимости словарного запаса в изучении английского языка, выявление проблем и актуального уровня его развития у старших дошкольников, а также изучение мнения и опыта педагогов в использовании современных технологий.

Анализ полученных результатов показал, что подавляющее большинство педагогов — 27 (54%) считают обучение лексике главной задачей педагога, 21 (42%) оценивают ее как равнозначную, наряду с формированием грамматических основ и навыков аудирования и только 2 (4%) респондента определили ее как второстепенную. Общий уровень овладения лексикой английского языка в группах старших дошкольников педагоги оценивают как высокий — 10 (20%); средний — 28 (56%); низкий — 12 (24%), в соответствии с чем, по мнению педагогов, у старших дошкольников доминирует средний и низкий уровень лексического запаса. Основную проблему в обучении лексике педагоги видят в недостаточной разработанности учебно-методического сопровождения — 32 (64%); в ограниченности содержания лингвострановедческого материала — 24 (48%); в использовании современных интерактивных технологий — 36 (72%).

Исходя из полученных результатов, для восполнения имеющегося дефицита культурологического материала, ограниченности представленных в УМК современных интерактивных и цифровых технологий может служить парциальная программа «The English Adventure» [4]. Программа состоит из пяти тематических блоков: History of England, English Holidays, Geography, English heroes and Tales и включает в себя серию из 35 занятий. Выбор технологий обусловлен знанием, что эффективное обучение детей старшего дошкольного возраста происходит в ходе игры. А цифровые и мультимедийные технологии: презентации, интерактивные электронные игры, мультифильмы, цифровые платформы, позволяют обогатить и разнообразить игровой процесс обучения, обеспечивая и повышая уровень овладения дошкольниками лексикой английского языка. Особенность программы «The English Adventure» состоит в том, что представленные в ней тематические блоки могут использоваться как комплексно, освещая все разделы программы, так и выборочно, посредством включения дидактического материала и цифровых продуктов в уже существующие программы по обучению английскому языку детей дошкольного возраста. Помимо развития лексики дошкольники узнают об истории Англии, ее праздниках, героях и сказках, что способствует формированию межкультурного понимания. А использование интерактивных учебников, мобильных приложений, онлайн-платформ и других цифровых ресурсов позволяют сделать обучение более познавательным и эффективным.

Список литературы

1. Благовещенская, Т. А. 5–6 лет. Учим английский язык: для дошкольного возраста / Т. А. Благовещенская.— Москва: РОСМЭН, 2003.— 32 с.— Текст: непосредственный.
2. Мещерякова, В. Н. Вводный курс английского языка «I CAN SPEAK»: книга для учителя, 1 ступень комплекта пособий «I love English» // В. Н. Мещерякова — Казань: Королек, 2022.— 90 с.— Текст: непосредственный.
3. Никитенко, З. Н. Первые шаги в английском языке: учебное пособие для детей 5–6 лет / З. Н. Никитенко, Е. А. Никитенко.— Москва: Ювента, 2018.— 112 с.— Текст: непосредственный.
4. Сурудина Е. А., Зотова А. М. Цифровые технологии обучения английскому языку детей старшего дошкольного возраста // Цифровизация как вектор развития дошкольного образования: проблемы и перспективы: Сборник статей Международной научно-практической конференции.— Москва: МПГУ, 2025. С. 157–165.
5. Щукин, А. Н. Методика преподавания иностранных языков: учебник для студентов учреждений высшего образования / А. Н. Щукин, Г. М. Фролова.— Москва: Издательский центр «Академия», 2015.— 288 с.— Текст: непосредственный.
6. Thornbury S. How to teach vocabulary / S. Thornbury.— Harlow: Pearson Education Limited, 2002.- 185 p.— Текст: непосредственный.

ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ТУРИНДУСТРИИ КИТАЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Чжан Ян

аспирант

Институт психологии и образования,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Россия,

доцент

Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, Китай

Аннотация: В статье рассматривается трансформация профессионального туристского образования в высшей школе Китая через призму усиления его гуманистической составляющей. Целью исследования является выявление и обоснование роли социокультурных, ценностных и экологических компонентов в современных образовательных программах по туризму. Методология включает систематический анализ научной литературы (база данных CNKI, 2000–2025 гг.), логико-исторический и сравнительно-сопоставительный анализ. Результаты демонстрируют интеграцию в учебные процессы идей устойчивого развития, формирования гражданской идентичности и межкультурной коммуникации. Делается вывод о том, что современный специалист в сфере туризма должен быть не только носителем профессиональных компетенций, но и ответственным гражданином, ориентированным на сохранение культурного наследия.

Ключевые слова: гуманистическое образование, высшее образование в Китае, профессиональная подготовка в туризме, социокультурная компетенция, устойчивое развитие, гражданское воспитание.

Abstract: The article examines the transformation of professional tourism education in Chinese higher education through the prism of strengthening its humanitarian component. The purpose of the study is to identify and substantiate the role of socio-cultural, value-based and environmental components in modern tourism educational programs. The methodology includes a systematic analysis

of scientific literature (CNKI database, 2000–2025), logical-historical and comparative analysis. The results demonstrate the integration into educational processes of ideas of sustainable development, the formation of civic identity and intercultural communication. It is concluded that a modern tourism professional should be not only a bearer of professional competencies, but also a responsible citizen focused on the preservation of cultural heritage.

Keywords: humanitarian education, higher education in China, professional training in tourism, socio-cultural competence, sustainable development, civic education.

Введение

Современное высшее образование переживает этап глубокой переоценки своих целей и содержания. В условиях глобализации и цифровизации особую актуальность приобретает гуманитарная составляющая, обеспечивающая формирование не только квалифицированного специалиста, но и целостной личности, обладающей системой ценностей, критическим мышлением и гражданской ответственностью [1, с. 64]. Эта тенденция в полной мере проявляется и в такой сугубо прикладной сфере, как профессиональное образование в области туризма. В Китае, где туризм является стратегически важным сектором экономики, подготовка кадров для этой отрасли все более тяготеет к модели, интегрирующей профессиональные навыки с гуманитарными знаниями и ценностными ориентациями. Исследование данной трансформации позволяет выявить общие тенденции в развитии высшего образования, где гуманитарные науки становятся ключевым фактором обеспечения качества и конкурентоспособности.

Основное содержание

Традиционно туристское образование в Китае было ориентировано на формирование узкопрофессиональных компетенций в области менеджмента, гостеприимства и экскурсоведения. Однако, как показывают результаты анализа государственных стандартов и учебных планов ведущих китайских университетов, в последнее десятилетие наметился четкий тренд на интеграцию гуманитарного знания. Это выражается в нескольких ключевых аспектах.

Во-первых, центральное место в подготовке занимает формирование социокультурной компетенции. Исследователи Лю Ин, Чжао Лэй, Чжан Би Юй солидарны в том, что для современного китайского высшего образования в сфере туризма социокультурная компетенция необходима на ранних этапах обучения [2, с. 107; 3, с. 109]. Ее развитие предполагает не только знание иностранных языков, но и понимание культурных кодов, готовность к межкультурному диалогу, уважение к традициям и обычаям. Российские исследователи, такие как О. А. Брель и О. В. Мишункова, также подчеркивают, что интеграция

социокультурного компонента в образовательный процесс реализуется через использование аутентичных материалов, проектную деятельность и анализ культурологических феноменов [4, с. 9]. Таким образом, туризм становится не просто сферой услуг, но и пространством межкультурной коммуникации, а специалист — ее медиатором.

Во-вторых, значимым трендом является интеграция идей экологически устойчивого туризма (*sustainable tourism*), что имеет прямое отношение к формированию экологического сознания и гражданской ответственности. В учебные программы включаются курсы по экологическому менеджменту, устойчивому развитию и экологической сертификации [5, с. 256]. Китайское правительство активно поддерживает это направление, выделяя гранты на разработку соответствующих образовательных программ [6]. Это свидетельствует о том, что высшая школа берет на себя функцию воспитания не просто специалиста, но и ответственного гражданина, осознающего последствия туристической деятельности для окружающей среды и социума.

В-третьих, даже цифровизация образования, часто воспринимаемая как сугубо технологический процесс, в китайской модели приобретает гуманитарное звучание. Изучение технологий виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) направлено не только на освоение инструментов, но и на создание иммерсивных туристических впечатлений, способствующих более глубокому познанию культурного и исторического наследия. Анализ больших данных (*big data*) учит будущих специалистов понимать запросы и ценности современных туристов, что является важным аспектом социального взаимодействия [7].

Особую роль в этом процессе играет личность педагога, который выступает не только транслятором знаний, но и носителем ценностей. Как отмечается в работах, посвященных методическим аспектам подготовки, эффективное формирование компетенций требует от преподавателя владения не только предметным содержанием, но и технологиями воспитания, способностями к фасилитации и организации диалога [8; 9].

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что профессиональное образование в сфере туризма в Китае вышло за узкие рамки отраслевой подготовки и активно интегрирует гуманитарную составляющую. Формирование социокультурной компетенции, экологического сознания и гражданской ответственности становится не дополнительным элементом, а стержнем современных образовательных программ. Это соответствует глобальному тренду, согласно которому высшее образование рассматривается как ключевой институт социализации и формирования личности. Успешная реализация этой модели требует дальнейшего обновления содержания образования, повышения квалификации преподавательского состава и развития междисциплинарных связей.

В перспективе данный опыт может быть творчески переосмыслен и адаптирован в системе высшего образования других стран, включая Россию, для подготовки конкурентоспособных и социально ответственных специалистов.

Список литературы:

1. Чжан, Б. Ю. Государственная политика развития внутреннего туризма в Китае // Вестник ГУУ.— 2014.— № 21.— С. 64–66.
2. Лю Ин. Виды культурного туризма в Китае и их национальное своеобразие // Общество: философия, история, культура.— 2021.— № 2 (82).— С. 107–111.
3. Чжасо Лэй. Перспективы российского туризма в Китае // Инновации и инвестиции.— 2017.— № 11.— С. 109–113.
4. Развитие региональной многоуровневой системы профессионального туристского образования: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / О. А. Брель.— Кемерово, 2016.— 355 с.
5. Zhang, X. Innovation Competency Development in Chinese Tourism Education. Asia Pacific Journal of Tourism Research.— 2022.— Vol. 27, Issue 3.— P. 256–268.
6. China Tourism Academy (Data Center of the Ministry of Culture and Tourism).— URL: <https://www.ctaweb.org.cn/?lang=en> (дата обращения: 12.02.2025).
7. Travel and tourism industry in China — statistics & facts.— URL: <https://www.statista.com/topics/1210/tourism-industry-in-china/> (дата обращения: 12.02.2025).
8. Силина, Е. Д. Новые технологии практико-ориентированной подготовки кадров для туристской индустрии // Сервис в России и за рубежом.— 2020.— Т. 14, № 2(89).— С. 157–165.
9. Мельник, И. К. Ситуационно-ролевое моделирование в учебном процессе вуза для студентов туристской специальности // Kant.— 2023.— № 4 (49).— С. 357–363.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И БУДУЩЕЕ АВТОНОМИИ УНИВЕРСИТЕТОВ КАЗАХСТАНА

Кадрин Дегдар Катжанулы

магистрант

*Карагандинский технический университет им. Абылкаса Сагинова,
Караганда, Казахстан*

Оспанова Бикеш Ревовна

кандидат филологических наук, доцент

*Карагандинский технический университет им. Абылкаса Сагинова,
Караганда, Казахстан*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты развития автономии высших учебных заведений Казахстана в контексте модернизации национальной системы образования и интеграции в мировое образовательное пространство.

Проанализированы нормативно-правовые, институциональные и организационные условия реализации автономии университетов, выявлены проблемы и противоречия, с которыми сталкиваются вузы при переходе к самостоятельности в академической, управлеченческой и финансовой сферах. Особое внимание уделено вопросам качества образования, академической честности, кадровой политики и финансовой устойчивости вузов.

Проведён обзор отечественных и зарубежных исследований, раскрывающих различные подходы к автономии университетов. На основе анализа выделены перспективные направления развития автономии, включая цифровизацию управления, развитие системы внутреннего контроля качества, расширение академической свободы преподавателей и повышение прозрачности финансирования.

Ключевые слова: университетская автономия, управление образованием, академическая свобода, высшее образование, академическая политика.

Annotation. The article examines the key aspects of the development of the autonomy of higher education institutions in Kazakhstan in the context of the modernization of the national education system and integration into the global educational space. The article analyzes the regulatory, institutional

and organizational conditions for the implementation of university autonomy, identifies the problems and contradictions faced by universities in the transition to independence in the academic, managerial and financial spheres. Special attention is paid to the issues of quality of education, academic integrity, personnel policy and financial sustainability of universities. A review of domestic and foreign studies revealing various approaches to university autonomy has been conducted. Based on the analysis, promising areas of autonomy development are identified, including digitalization of management, development of an internal quality control system, expansion of academic freedom of teachers and increased transparency of funding.

Keywords: university autonomy, education management, academic freedom, higher education, academic policy.

Введение

Современное высшее образование переживает глобальные трансформации, связанные с необходимостью повышения конкурентоспособности университетов, качества образовательных услуг и интеграции в мировое научно-образовательное пространство. Одним из важнейших направлений этих реформ является развитие автономии вузов, предполагающее передачу им широких полномочий в академической, организационной, финансовой и кадровой сферах. Университетская автономия является фундаментальным принципом эффективной системы образования, обеспечивающим свободу выбора образовательных стратегий, формирование собственных научных приоритетов и независимость управленческих решений.

В Казахстане процесс автономизации вузов приобрёл особую актуальность в последние два десятилетия. С момента обретения независимости государство активно реформировало систему образования, стремясь приблизить её к международным стандартам. Принятие закона «Об образовании» (2007) и последующие поправки закрепили основы академической и управленческой самостоятельности университетов. В 2018 году были внесены изменения, позволившие ряду национальных вузов (например, Назарбаев Университету, Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби) получить статус автономных организаций образования.

Тем не менее, несмотря на существенные успехи, развитие автономии сопровождается рядом системных трудностей. Среди них — недостаточная готовность управленческих кадров, ограниченная финансовая самостоятельность, слабая вовлечённость профессорско-преподавательского состава в процессы принятия решений и сохраняющаяся зависимость от государственных стандартов. Всё это требует комплексного научного анализа, направленного на определение путей повышения эффективности реализации автономии вузов в Казахстане.

Методы исследования

Методологической основой данной работы является системный подход, позволяющий рассматривать университетскую автономию как комплексное явление, включающее взаимосвязь правовых, организационных, экономических и социокультурных факторов. Исследование основано на сочетании аналитических и эмпирических методов, включающих:

- контент-анализ нормативных актов Республики Казахстан (Закон «Об образовании», Стратегия развития высшего образования, уставы вузов и др.);
- сравнительный анализ опыта автономии университетов Казахстана и зарубежных стран;
- институциональный анализ, направленный на выявление структурных ограничений реализации автономии;
- методы социологического опроса и экспертных интервью, отражающих мнение преподавателей, управленцев и студентов о реальном уровне самостоятельности вузов.

Эмпирическую базу исследования составили статистические данные Министерства науки и высшего образования РК, отчёты Всемирного банка, UNESCO и OECD, а также материалы стратегических документов отдельных университетов (Назарбаев Университет, Satbayev University, Казахстанско-Британский технический университет, Казахский национальный педагогический университет имени Абая).

Обзор литературы

Проблематика автономии университетов широко представлена в международных исследованиях. В научной литературе выделяются несколько ключевых подходов к пониманию университетской автономии. Согласно классическому определению Б. Кларка «The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective» [1] автономия рассматривается как способность университета самостоятельно определять свои цели и способы их достижения, при этом не нарушая общественных интересов.

Многочисленные исследования Альтбах Ф. Дж. «The Past, Present, and Future of the Research University» [2]; Салми Дж. «The Challenge of Establishing World-Class Universities» [3] показывают, что уровень автономии университетов прямо влияет на их академическую репутацию, научную продуктивность и устойчивость развития. В условиях глобальной конкуренции автономные вузы способны быстрее адаптироваться к изменениям рынка труда, развивать инновационные программы и привлекать международных партнёров.

Казахстанские учёные Жансейтова Г. «Автономия университетов в Казахстане: проблемы и пути их решения» [4], Бектурова А. «Современные подходы к университетской автономии» [5] отмечают, что развитие автономии

в национальной системе образования идёт поступательно, но требует институциональной поддержки. Основные направления обсуждения касаются трёх проблемных аспектов:

- недостаточная гибкость в формировании образовательных программ;
- ограниченные возможности финансового менеджмента;
- низкая степень участия академического сообщества в управлении вузами.

Согласно отчётом OECD «Higher Education in Kazakhstan 2017: Reviews of National Policies for Education» [6]; «Strengthening Higher Education Governance in Kazakhstan» [7] Казахстан занимает промежуточное положение между странами с высокой автономией (например, Великобритания, Финляндия) и теми, где система остаётся централизованной. В сравнении с европейскими практиками, казахстанские университеты всё ещё зависят от министерских нормативов и имеют ограниченные права в распределении бюджета и кадровой политике.

Исследования в области высшего образования Казахстана Назарбаева Д. и Тажибаева Р. «Реформирование управления высшими учебными заведениями Казахстана» [8]; «Механизмы реализации автономии вузов» [9] подчеркивают необходимость перехода от формальной автономии к реальной, подразумевающей ответственность вузов за результаты, развитие механизмов внутренней оценки качества и прозрачности управленческих решений.

Результаты и обсуждение.

Результаты проведённого исследования, включающего анализ нормативно-правовых документов, институциональных особенностей казахстанских вузов и экспертные оценки представителей академического сообщества, показывают, что процессы автономизации университетов в Казахстане носят поступательный, но неоднородный характер. Для большинства вузов автономия постепенно становится неотъемлемым элементом управленческой и образовательной деятельности, однако степень её реального воплощения существенно различается в зависимости от организационных, кадровых и финансовых условий.

Одной из наиболее значимых составляющих университетской автономии является финансовая самостоятельность. В ходе исследования выявлено, что, несмотря на закреплённые законом полномочия, многие вузы продолжают зависеть от государственного заказа, что снижает их способность к стратегическому планированию и ограничивает развитие собственных инициатив. Руководители университетов отмечают, что существующая финансовая модель затрудняет диверсификацию источников доходов, а административные ограничения препятствуют более активному развитию предпринимательской и проектной деятельности.

Не менее важным аспектом является управленческая автономия, качество реализации которой напрямую зависит от компетентности управленческих кадров. Экспертные интервью показывают, что значительная часть вузов испытывает трудности при переходе от традиционной административно-командной модели к более гибкому и корпоративному управлению. Представители академического сообщества подчеркивают, что многие решения остаются вертикальными, а участие преподавателей в институциональных процессах часто носит формальный характер.

В ходе анализа также выявлено, что академическая автономия, несмотря на закреплённые нормативами возможности, используется в вузах не в полной мере. Преподаватели и руководители образовательных программ отмечают, что при формировании учебных планов университеты продолжают ориентироваться на типовые государственные стандарты, опасаясь нарушений аккредитационных требований. В результате инновационные дисциплины внедряются медленнее, чем это возможно, а гибкость программ остается ограниченной.

Отдельного внимания заслуживает состояние систем внутреннего обеспечения качества образования. По результатам исследования, значительная часть университетов сталкивается с недостаточной эффективностью механизмов самооценки: отсутствуют независимые наблюдательные советы, formalизованы процедуры внутреннего аудита, а результаты преподавательской деятельности не всегда оцениваются объективно и прозрачно. Это приводит к тому, что академическое сообщество недостаточно доверяет существующим инструментам контроля качества.

Важным препятствием остается и кадровая зависимость. Преподаватели отмечают отсутствие устойчивых механизмов защиты академической свободы, а также ограниченность возможностей влиять на ключевые решения, касающиеся образовательной политики, распределения нагрузки и условий труда. Это снижает мотивацию профессорско-преподавательского состава и препятствует развитию культуры внутренней ответственности.

Кроме того, анализ показал выраженную неравномерность условий реализации автономии между крупными национальными и региональными университетами. Вузы, обладающие более развитой инфраструктурой, сильными научными школами и устойчивым финансированием, демонстрируют более высокие темпы освоения автономии. В то время как региональные университеты сталкиваются с недостатком кадровых ресурсов, ограниченной материально-технической базой и низкой конкурентоспособностью образовательных программ.

Несмотря на обозначенные трудности, восприятие автономии среди участников образовательного процесса преимущественно позитивное. Большинство респондентов считают, что автономия:

- повышает гибкость образовательных программ;
- способствует усилению ответственности университетов за результаты;
- создаёт условия для инновационной деятельности;
- расширяет возможности международного сотрудничества;
- укрепляет конкурентоспособность вузов.

Вместе с тем выявлены и риски, сопровождающие реформу автономии. Среди них — недостаточный уровень подготовленности управленческих кадров, различия в ресурсном обеспечении университетов, а также сохраняющаяся зависимость от государственных нормативов. Эти факторы могут снижать эффективность автономного управления и создавать дополнительную нагрузку на административный и академический персонал.

Таким образом, результаты исследования показывают, что университетская автономия в Казахстане постепенно становится ключевым элементом модернизации высшего образования. Однако для повышения её эффективности необходимо учитывать выявленные ограничения, связанные с финансовой моделью, кадровыми возможностями, уровнями внутреннего контроля качества и степенью вовлечённости преподавателей в процесс управления. Решение этих проблем позволит создать более устойчивую, гибкую и конкурентоспособную систему высшего образования, соответствующую современным международным требованиям.

Заключение

Развитие университетской автономии в Казахстане является ключевым фактором модернизации системы высшего образования. Проведённый анализ показал, что несмотря на достигнутые результаты, процесс автономизации носит противоречивый характер. Формальные полномочия вузов часто не подкреплены реальными возможностями их реализации, что требует дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы, управленческих механизмов и финансовых инструментов.

В перспективе необходимо формирование сбалансированной модели автономии, сочетающей свободу принятия решений и высокую степень ответственности вузов перед обществом. Только при таких условиях университетская автономия станет не декларацией, а действенным инструментом повышения качества и конкурентоспособности национального высшего образования.

Список использованных источников

1. Clark, B.R. (1983). *The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective*. University of California Press.
2. Altbach, P.G. (2011). *The Past, Present, and Future of the Research University*. UNESCO.
3. Salmi, J. (2009). *The Challenge of Establishing World-Class Universities*. World Bank.
4. Жансеитова Г. (2019). Автономия университетов в Казахстане: проблемы и пути их решения. *Высшее образование в Казахстане*, № 3.
5. Бектурова А. (2021). Современные подходы к университетской автономии. *Проблемы образования*, № 2.
6. OECD (2017). *Higher Education in Kazakhstan 2017: Reviews of National Policies for Education*. OECD Publishing.
7. OECD (2021). *Strengthening Higher Education Governance in Kazakhstan*.
8. Назарбаева Д. (2020). Реформирование управления высшими учебными заведениями Казахстана. *Экономика и образование*, № 4.
9. Тажибаева Р. (2021). Механизмы реализации автономии вузов. *Социология и образование*, № 5.

DOI 10.34660/INF.2025.10.23.188

РАЗВИТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ МУЗЫКЕ (1840–1949)

Лю Шунъяо

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия*

Аннотация. В данной статье прослеживается развитие эстетического образования в современной китайской музыке, исследуется его эволюция от зарождения до углубления и совершенствования в период с 1840 по 1949 год. Объединяя социально-исторический прогресс с преобразованиями в школьной системе, в статье выделяются два отдельных этапа: «начальный этап» (1840–1919), в течение которого эстетическое сознание в музыке постепенно кристаллизовалось на фоне течений национального спасения и просвещения той эпохи; 1919–1949 годы составляют «зрелую фазу», в течение которой концепции и практики эстетического образования в музыке стали более систематизированными под влиянием Движения новой культуры, создания рамок учебных программ и появления эстетической мысли в музыке. Исследования показывают, что современное музыкальное образование часто было проникнуто функциями патриотической мобилизации и социальных преобразований. Одновременно, под влиянием теорий эстетического образования, отстаиваемых такими учеными, как Ван Говей и Цай Юаньпэй, а также благодаря внедрению соответствующих рамок учебных программ, постепенно укоренился подход к образованию, ориентированный на эстетику и использующий в качестве методологии воспитание эмоций. На основе анализа ключевых образовательных документов, рамок учебных программ и представительных интеллектуальных ресурсов в данной статье выделяются три важных следствия для развития современного китайского эстетического музыкального образования: основная цель музыкального образования должна вернуться к его эстетической основе; углубление эстетического музыкального образования по своей сути является воспитанием эмоций; реализация эстетических целей требует поддержки со стороны институционализированных стандартов учебных программ и систем учебников.

Ключевые слова: Современное китайское музыкальное образование; эстетическое музыкальное образование; идеология эстетического

образования; школьные музыкальные песни; общая программа музыкального образования; эмоциональное образование; новое музыкальное движение.

I. История развития современного музыкального эстетического образования

Музыкальное образование сыграло ключевую роль в современной истории, развиваясь одновременно с политическими, экономическими и культурными изменениями в Китае на фоне новой демократической революции в стране. Этот путь прошел через два длительных и сложных этапа.

1. Первый этап (1840–1919)

В период с 1840 года по Майское движение 1919 года Китай находился в состоянии постепенного распада феодального общества. Население переживало внутренние и внешние потрясения в культурной, политической и экономической сферах. Многие музыкальные педагоги и мыслители, осознавая важность эстетического образования и отстаивая его роль, предлагали спасти угасающую нацию, уделяя приоритетное внимание развитию эстетического образования. В этот период признание эстетической образовательной функции музыки постепенно росло, отсюда и название «начальный этап».

После Опиумных войн Китай фактически стал полуколониальным, полуфеодальным государством, утратившим свою независимость. Образовательная философия правительства Цин заключалась в том, что «китайское образование — это основа, а западное — это применение», что привело к растущему вниманию к музыкальному образованию в школах. Однако как среди лидеров движения за вестернизацию, так и среди прогрессивных реформаторов основной целью создания современных школ и введения уроков музыки считалось возбуждение патриотического духа среди населения (молодых студентов, модернизированных солдат и т. д.) для достижения цели «обогащения нации и укрепления армии». Кроме того, наряду с развертыванием империалистической военной агрессии, музыкальное образование в то время также носило определенный характер распространения западной колониальной культуры.

В 1903 году правительство династии Цин обнародовало «Правила для детских садов и семейного образования», в которых говорилось: «Народные песни могут сделать чувства и голосовые органы маленьких детей гибкими и подвижными, а также способствовать формированию гармоничного характера, который является основой для нравственного воспитания». В них утверждалось, что прослушивание красивой музыки может вызвать радостные эмоции, проявляющиеся в поведении, в стремлении к красоте и ее поиске. Это полностью подтверждало, что музыкальное образование было не просто связано с нравственным воспитанием, но и составляло образование эмоций и красоты.

Одновременно с этим многие педагоги подняли знамя эстетического образования, выступая за то, что образование населения должно начинаться с развития эстетического вкуса. Ван Говей был первым в современном Китае, кто выступил за включение эстетического образования в образовательную политику. Он разделил образование на две основные составляющие: физическое воспитание и умственное воспитание. В рамках умственного воспитания он поставил нравственное, интеллектуальное и эстетическое образование на равные позиции. Он также подчеркнул, что «эстетическое образование, с одной стороны, развивает эмоции человека для достижения совершенства, а с другой — служит средством нравственного и интеллектуального воспитания. Это то, что педагоги не должны упускать из виду». Кроме того, он утверждал, что выбор материалов для эстетического образования должен руководствоваться эстетическими, а не моральными критериями. Эстетическое образование должно иметь самостоятельную ценность и не рассматриваться как вспомогательный предмет морального воспитания.

Цай Юаньпэй — пионер в продвижении эстетического образования в современном Китае — не только проводил всесторонние и систематические теоретические исследования в области эстетического образования, но и активно внедрял его в образовательную практику.

В 1912 году, заняв пост первого министра образования Китайской Республики, он сделал эстетическое образование важной составляющей образовательной политики. Цай Юаньпэй уделял особое внимание эстетической ценности музыки, заявляя: «Эстетическое образование — это применение эстетической теории в образовании с целью воспитания эмоций». Это подтверждало, что эстетическое образование касается воспитания чувства прекрасного и представляет собой воспитание эмоций. Впоследствии республикансское правительство приняло образовательный принцип Цай Юаньпэя, заключающийся в одновременном продвижении нравственного, интеллектуального, физического и эстетического образования, в качестве своей официальной образовательной доктрины. Важно отметить, что эстетическое образование было впервые включено в школьную программу, а «школьные песни» стали обязательным предметом в начальной и средней школе. Это ознаменовало значительный прогресс в развитии музыкального образования в китайских школах.

Появление школьных песен стало определяющей чертой музыкального образования в этот исторический период. Их появление ознаменовало официальное включение уроков музыки в национальную учебную программу, что стало важной вехой в современном китайском музыкальном образовании и ознаменовало начало национального музыкального образования. Примечательно, что в уникальном историческом контексте той эпохи эти «школьные песни» породили множество художественных шедевров, сыграв незаменимую

роль в борьбе китайского народа за победу. Шэнь Сингун и Ли Шутун были представительными фигурами в сочинении этих школьных песен в эту эпоху. Ли Шутун, первоначально называвшийся Вэнътао, был выдающимся современным китайским педагогом в области музыки и изобразительного искусства. Он был ведущим сторонником художественной и эстетической ценности, присущей школьным песням. Его композиции и аранжировки подчеркивали мелодическую плавность и красоту, яркие и элегантные тексты, а также идеальное сочетание художественных образов, тонального качества и поэтического ритма между словами и музыкой. В результате большинство композиций Ли Шутуна представляли собой лирические песни с характером художественных песен, заметно отличающиеся от школьных песен, ранее сочиненных другими композиторами, которые, как правило, были сосредоточены на привитии моральных и идеологических принципов. Шэнь Сингун, первоначально называвшийся Шэнь Цинхун, известный пионер в области музыкального образования, в «Сборнике школьных песен» заявил: «Функция песен заключается в том, чтобы вдохновлять дух и пробуждать ум; поэтому западные страны повсеместно считают их предметом большой важности, посвященным воспитанию характера учащихся». Он подтвердил роль музыкального образования в усовершенствовании характера и оживлении духа.

2. Второй этап (1919–1949)

С 1919 года до основания Китайской Народной Республики в 1949 году Китай пережил социальные потрясения и длительные войны, в результате чего страна оказалась на грани катастрофы. Музыкальное образование стало эффективным средством патриотического воспитания, а его эстетическая функция также приобрела большое значение. В этот период появилось множество китайских музыкантов, чьи теоретические труды изменили общественное восприятие музыки и закрепили принципы образования в коллективном сознании, поэтому этот период называют «фазой зрелости».

Исторические потрясения погрузили китайский народ в глубокие страдания, в результате чего музыкальное образование стало неотъемлемой частью социально-политических движений. Во время Движения новой культуры 4 мая многие песни, которые изучали на уроках музыки, стали мощным инструментом пропаганды демократии и науки. Под влиянием этих культурных потрясений китайские музыканты и педагоги спонтанно образовали множество академических обществ и ассоциаций, посвященных музыке, и издавали много музыкальных журналов. Многие из этих обществ и изданий подчеркивали эстетическое значение музыки и ее роль в эстетическом образовании. Такие учреждения, как Шанхайское общество эстетического образования и Пекинское общество любителей музыки, сыграли ключевую роль в продвижении нового музыкального движения.

Цинчжу, первоначально называвшийся Ляо Шанго, был известным современным музыкантом. Он считал музыку неиссякаемым видом искусства: ее изучение и восприятие развивают мудрость и приносят радость, а музыка, выходящая за пределы человеческих эмоций, ведет духовную жизнь человека в мир истины, добра и красоты. Он утверждал, что музыка должна освободиться от ограничений современной политики, обрести независимый характер и стать свободным искусством — искусством ради искусства, по-настоящему принадлежащим народу. Музыкальная философия Цинчжу утверждала, что музыкальное образование является эмоциональным и эстетическим образованием, признавая как эстетическую природу музыки, так и эстетическое значение музыкального образования.

Ван Гуанци, известный под псевдонимом Жунью, был современным музыковедом. Он утверждал, что «музыка является выражением человеческой жизни; мысли, действия, эмоции и обычаи восточных и западных народов различаются, и, следовательно, их музыкальные выражения естественно варьируются». Это указывает на то, что музыка может отражать различные аспекты человеческой жизни, мысли, эмоций и обычая, и что музыкальные культуры всех народов должны обладать национальными особенностями. Его музыкальная теория в основном проистекала из его демократической и патриотической идеологии. В 1922 году Национальная ассоциация образования приняла «Новую школьную систему». В рамках вновь провозглашенной учебной программы музыка была обозначена как обязательный предмет на протяжении шести лет начальной и трех лет средней школы.

Одновременно Ассоциация поручила экспертам разработать «Наброски стандартов учебной программы по музыке», применимые к начальной и средней школе. Это стало основополагающим теоретическим мероприятием, имеющим руководящее значение для развития современного общего музыкального образования в Китае. В «Набросках» прямо указывалось, что музыкальное образование в начальной школе должно в первую очередь воспитывать в детях жизнерадостность, развивать в них чувства любви и дух гармонии, а также развивать их способность читать ноты и петь. Это подтверждало роль музыкального образования в регулировании эмоций и эстетическом развитии. В июне 1923 года Министерство образования издало «Наброски учебной программы по музыке для начальной школы» и «Наброски учебной программы по музыке для средней школы». В этих «программах» подчеркивалась важность эстетического образования, особое внимание уделялось эмоциональным переживаниям в рамках музыкального образования. Включение эстетического образования в положения о музыкальном образовании продемонстрировало приверженность правительства эстетическому образованию и музыкальному воспитанию.

Во время войны со Японией такие деятели, как Лю Цзи, разъясняли сущность и направление единого фронта, предлагая лозунг «Новое музыкальное движение». Теоретически они определили цель и задачу движения как «служить оружием для освобождения масс, средством для выражения и отражения их жизни, мыслей и эмоций, а также нести ответственность за пробуждение, образование и организацию масс». В этот период музыкальное образование стало эффективным средством антияпонского идеологического воспитания, сыграв неоспоримо важную роль в борьбе китайского народа против японской агрессии.

II. Выводы из истории развития эстетического образования в современной музыке

На заре XX века в Китае были созданы школы, появились «школьные песни» и возникло «новое музыкальное направление». Развитие музыкального искусства и музыкального образования никогда не останавливалось, а музыкальная теория также достигла определенного прогресса. Многие музыкальные педагоги и мыслители подробно описали эстетическую образовательную функцию музыки. В результате эта функция получила широкое признание и была включена в руководящие документы правительства по музыкальному образованию того времени. Из всего современного развития эстетической образовательной функции музыки выделяются три важных вывода:

1. Установление эстетики в качестве основной цели музыкального образования.

С постепенным признанием эстетической функции музыкального образования оно стало считаться эстетическим образованием. Внимание сместились в сторону эстетического значения музыкальной программы, а также художественной эстетической ценности и смысла музыкальных произведений.

В своей философии образования Ван Говей прямо указал на моральные цели и эстетическую роль музыкального образования. Он критиковал одностороннее стремление к моральным целям в ущерб фундаментальным характеристикам эстетического образования, утверждая, что игнорирование природы эстетического образования также препятствует достижению моральных целей. Он также утверждал, что выбор материалов для эстетического образования должен руководствоваться эстетическими стандартами, а не моральными критериями. Эстетическое образование должно обладать своими собственными неотъемлемыми свойствами и принципами, а также независимой ценностью; оно не должно рассматриваться как вспомогательный предмет морального воспитания. В то же время Цай Юаньпэй, выступая в поддержку эстетического образования, утверждал, что эстетическое образование — это образование, касающееся красоты.

Кроме того, Цин Чжу, Ван Гуанци, Фэн Цзайкай и другие утверждали эстетическую функцию музыки как вида искусства, признавая музыкальное образование эстетическим образованием. Они подчеркивали, что музыкальное образование воспитывает эстетическую чувствительность, питает внутреннюю красоту, утончает чувства детей и позволяет им открывать, признавать и стремиться к красоте, тем самым играя глубоко значимую эстетическую роль в их развитии. Эти дискуссии об эстетической функции музыкального образования не только резко противоречили современным взглядам, которые узко преследовали моральное воспитание через музыку, но и полностью подтверждали роль музыкального образования в гармонизации эмоций и его эстетическое значение для развития человека.

2. Подчеркивание того, что эстетическое музыкальное образование представляет собой эмоциональное воспитание.

Пропаганда эстетического образования в этот период не только привела к тому, что люди признали музыкальное образование эстетическим образованием, главной целью которого являются эстетические задачи, но, что более важно, она также привела к признанию того, что эстетическое музыкальное образование представляет собой эмоциональное воспитание.

В 1903 году правительство династии Цин обнародовало «Правила для детских садов и семейного образования», в которых считалось, что прослушивание красивой музыки может вызывать приятные эмоции. Полностью подтверждая связь между музыкальным образованием и нравственным воспитанием, оно было дополнительно признано как образование эмоций. Кроме того, Ван Говэй определил эмоциональное образование как одну из целей уроков пения. Он также утверждал, что эстетическое музыкальное образование является эффективным средством и путем для развития человеческих эмоций до их высшего уровня, а эстетическое восприятие музыки людьми представляет собой способность пробуждать человеческие чувства. Цай Юаньпэй также считал, что эстетическое музыкальное образование направлено на воспитание эмоций, подтверждая его статус как эмоционального образования. Таким образом, эмоциональный характер эстетического музыкального образования уже подчеркивался в то время, и оно было классифицировано как эмоциональное образование.

3. Эстетическая функция музыкального образования получила признание общества и правительства и была включена в официальные документы по политике в области музыкального образования.

С углублением понимания эстетической функции и эмоциональной природы музыкального образования правительство начало включать эстетическое

воспитание и его эмоциональные цели в документы по образовательной политике. В результате статус эстетической функции в общих целях музыкального образования был заметно повышен.

Национальная ассоциация образования «Новую школьную систему» и обнародовала «Общие положения стандартов музыкальной программы». Это стало основополагающим теоретическим достижением в эволюции современного общего музыкального образования в Китае, явно подтверждая эмоциональную гармонизацию и эстетическое значение музыкального образования для развития человека. В «Набросках учебной программы по музыке для начальной школы» и «Набросках учебной программы по музыке для средней школы», опубликованных Министерством образования в июне 1923 года, подчеркивалась важность эстетического образования, при этом особое внимание уделялось эмоциональным переживаниям в рамках музыкального образования. Включение эстетического образования в нормативные акты по музыкальному образованию продемонстрировало внимание правительства к эстетической функции музыкального образования. В этот исторический период эстетическое образование вошло в образовательные законы, став руководящим принципом школьного музыкального образования. Это стало не только значительным прогрессом в развитии китайского школьного музыкального образования, но и важным шагом вперед в эволюции эстетического музыкального образования.

В целом, исходя из развития эстетического образования в современной китайской музыке с 1840 по 1949 год, можно сделать вывод, что эстетическое образование является ключевым компонентом музыкального образования. Трансформация эстетического музыкального образования в Китае в XX веке была вызвана не изменениями в педагогических методах, а скорее изменением в восприятии музыкального образования и самой дисциплины музыки. Это фундаментальное изменение в сознании современных китайцев в отношении музыкального образования оказало значительное влияние и имело большое значение на протяжении всего XX века, заложив важную основу для последующего развития китайского музыкального образования в XXI веке, особенно в области воспитания эстетического восприятия. Эстетическая функция музыкального образования постепенно завоевывала признание и привлекала все большее внимание на протяжении долгого исторического развития, а теоретическое понимание этой функции неуклонно созревало. Эстетическая функция музыкального образования всегда должна рассматриваться как его основная цель и будет продолжать играть чрезвычайно важную роль в практике музыкального образования.

Список источников

1. Ван Юйхэ. *История китайской музыки Нового и новейшего времени* (2-е исправл. изд.). Пекин: Народное музыкальное издательство, 2002. С. 231.
2. Ма Дунфэн. Исследование истории музыкального образования. Пекин: Издательство «Цзинхуа», 2013. С. 214.
3. Не Чжэньбинь. Краткий очерк идей эстетического воспитания в Китае. Гуанчжоу: Издательство Цзинаньского университета, 1996. С. 329–330.
4. Сунь Цзинань (гл. ред.). Краткое изложение общей истории китайской музыки. Цзинань: Шаньдунское образовательное издательство, 1993.
5. Цай Юаньпэй. «Эстетическое воспитание» // Большой педагогический словарь/Ляо Цзяхуа. Музыкальное эстетическое воспитание. Пекин: Народное музыкальное издательство, 1993. С. 14.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Базарбай Диас Үрзықулы

магистрант

Карагандинский технический университет им. Абылкаса Сагинова

Научный руководитель — **Оспанова Бикеш Ревовна**

кандидат филологических наук, доцент

Карагандинский технический университет им. Абылкаса Сагинова

Аннотация. Статья посвящена анализу современных подходов к повышению академической успеваемости студентов посредством внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс. В условиях стремительного развития цифровых технологий искусственный интеллект (ИИ) становится важнейшим инструментом в сфере образования.

Проанализированы современные направления внедрения ИИ в образовательную практику, включая цифровизацию управления, интеллектуальные системы оценки знаний и аналитику учебных достижений. Особое внимание уделено роли ИИ в индивидуализации обучения, повышении мотивации студентов и совершенствовании системы внутреннего контроля качества образования. Рассмотрены проблемы и вызовы, связанные с цифровым неравенством, рисками утраты академической честности и необходимостью нормативного регулирования использования ИИ в образовательной среде. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований даны рекомендации по эффективной интеграции искусственного интеллекта в академическую и управленческую деятельность вузов Казахстана.

Ключевые слова: искусственный интеллект, академическая успеваемость, управление образованием, цифровизация, высшее образование, исследование, образовательная среда.

Annotation. The article examines the impact of artificial intelligence (AI) technologies on students' academic performance and management processes in higher education institutions of Kazakhstan. The paper analyzes modern

directions of AI implementation in educational practice, including digitalization of management, intelligent knowledge assessment systems, and learning analytics. Special attention is paid to the role of AI in personalized learning, increasing students' motivation, and improving internal quality control in education.

The study highlights the challenges associated with digital inequality, academic integrity risks, and the need for regulatory frameworks for AI usage in academia. Based on the analysis of domestic and foreign research, recommendations are proposed for the effective integration of AI into academic and managerial practices of Kazakhstani universities.

Keywords: artificial intelligence, academic performance, education management, digitalization, higher education, Kazakhstan.

Введение

Современная система высшего образования переживает масштабную цифровую трансформацию, в рамках которой искусственный интеллект (ИИ) становится ключевым инструментом модернизации учебных и управленческих процессов. Внедрение ИИ в высших учебных заведениях страны направлено на решение таких задач, как повышение академической успеваемости студентов, персонализация обучения, оптимизация расписания и повышение эффективности управления образовательными ресурсами.

В мировой практике ИИ активно используется для анализа данных об учебной деятельности студентов (Learning Analytics), прогнозирования их академических результатов и выявления факторов, влияющих на мотивацию и вовлечённость. С помощью ИИ-приложений преподаватели получают объективную информацию о прогрессе обучающихся, могут корректировать содержание курсов и применять индивидуальный подход к каждому студенту.

Крупнейшие университеты мира, включая Harvard University, Stanford University, а также онлайн-платформы вроде Coursera и EdX, внедряют интеллектуальные системы сопровождения обучения, помогающие студентам адаптироваться к учебному процессу.

В Казахстане использование ИИ в образовательной сфере активно развивается с 2020-х годов. Министерство науки и высшего образования РК определило цифровизацию одной из приоритетных задач, а национальные университеты начали внедрять системы искусственного интеллекта для автоматизации процессов учёта, планирования и анализа академических результатов. Примеры включают платформы Platonus AI, UniverSoft, а также экспериментальные проекты Satbayev University и Назарбаев Университета, направленные на внедрение адаптивных систем обучения. В то же время развитие ИИ в сфере образования сопровождается рядом вызовов: нехваткой квалифицированных специалистов, низким уровнем цифровой грамотности

части преподавателей, а также отсутствием единых стандартов регулирования использования ИИ в учебных процессах. Кроме того, возникает необходимость в обеспечении этической ответственности и академической честности при применении интеллектуальных технологий.

Таким образом, изучение влияния ИИ на академическую успеваемость в вузах является не только актуальной научной задачей, но и важным шагом на пути к построению современной образовательной экосистемы Казахстана.

Методы исследования. Методологической основой работы является системный и междисциплинарный подход, объединяющий педагогические, управленические и технологические аспекты. В статье применялись аналитические, сравнительные и эмпирические методы, направленные на повышение успеваемости студентов с помощью искусственного интеллекта в вузах.

Так, например, контент-анализ применялся для изучения научных публикаций, нормативных документов и стратегических программ в области цифровизации образования (в том числе документов UNESCO, OECD и Министерства науки и высшего образования РК).

Сравнительный анализ применялся для сопоставления опыта внедрения ИИ в университетах Казахстана, США, Великобритании, Финляндии и Южной Кореи.

Эмпирические методы необходимы были для проведения экспертизы интервью с преподавателями и студентами, для анализа восприятия технологий ИИ и их влияние на мотивацию и результаты обучения.

Аналитический обзор цифровых платформ применялся для изучения функциональных возможностей систем LMS (Learning Management Systems), включая Moodle AI, Platonus AI, Coursera AI Coach, Smart Learning и др.

Кроме того, применялся метод статистического анализа данных, отражающих динамику цифровизации казахстанских вузов.

Эти методы позволили получить комплексное представление о степени интеграции ИИ в образовательный процесс и управленическую деятельность вузов. На основании анализа были выявлены ключевые направления использования ИИ в образовании, включая автоматизацию оценки знаний, поддержку принятия решений в управлении и персонализацию учебных маршрутов.

Таким образом, по данным Министерства науки и высшего образования РК, к 2025 году более 70% университетов страны планируют внедрить элементы ИИ в процессы обучения и управления. Это свидетельствует о постепенном переходе к модели data-driven university, где решения принимаются на основе анализа больших данных.

Обзор литературы Литература, посвящённая влиянию искусственного интеллекта (ИИ) на академическую успеваемость студентов и управленические процессы в вузах, демонстрирует последовательное расширение научного интереса к цифровым технологиям и их роли в модернизации высшего

образования. Современные российские и казахстанские исследователи подчёркивают, что внедрение ИИ трансформирует как учебную деятельность, так и организационно-управленческие механизмы, затрагивая вопросы персонализации обучения, повышения эффективности администрирования, улучшения качества образовательных сервисов, а также формирования новой цифровой культуры в вузах.

Значительного внимания заслуживают работы Лукичёва и Чекмарёва «Искусственный интеллект в высшем образовании: направления внедрения и ограничения» [1] фиксируют ключевые направления применения технологий искусственного интеллекта в систему высшего образования. Авторы выделяют адаптивные образовательные платформы, интеллектуальные тьюторские системы, автоматизированные средства проверки знаний, чат-боты и аналитические панели, позволяющие преподавателям и администраторам оперативно мониторить учебную активность студентов. Особое внимание уделяется технологическим ограничениям: качеству данных, совместимости цифровых платформ и отсутствию унифицированных стандартов интеграции.

В публикациях Шингизова и Кожамкуловой «Влияние информационных технологий на образование и использование искусственного интеллекта для анализа» [2] подробно рассматриваются подходы к сбору и анализу цифровых данных обучающихся, позволяющие формировать персонализированные траектории обучения, прогнозировать успеваемость и определять студентов группы риска. Авторы подчёркивают необходимость корректного выбора метрик — активности в LMS, посещаемости занятий, результатов промежуточной аттестации — и разработки понятных визуальных аналитических инструментов.

Исследование Совиковой и Петровой «Современные цифровые технологии в формировании образовательной экосистемы университета» [3] акцентирует внимание на изучении ИИ в целях расширения информации и прогнозирования академических результатов. В работе показано, что внедрение подобных инструментов позволяет значительно упростить управление знаниями и обмен информацией между преподавателем и студентами.

В публикации Семеновой и Шпак «Технологии искусственного интеллекта в управлении обучением в цифровой образовательной среде» [4] анализируются возможности применения искусственного интеллекта для оптимизации административных процессов, включая планирование учебной нагрузки, мониторинг посещаемости и автоматизацию документооборота. Авторы делают вывод, что ИИ способствует сокращению рутинных операций, повышению прозрачности управления и улучшению качества образовательных услуг.

В публикациях Шингизова и Кожамкуловой «Влияние информационных технологий на образование и использование искусственного интеллекта для анализа» [5] подробно рассматриваются подходы к сбору и анализу цифровых

следов обучающихся, позволяющие формировать персонализированные траектории обучения, прогнозировать успеваемость и определять студентов группы риска. Авторы подчёркивают необходимость корректного выбора метрик: активности в LMS, посещаемости занятий, результатов промежуточной аттестации и разработки понятных визуальных аналитических инструментов.

Статья Д. О. Бариновой и А. А. Шакариковой «Роль ИИ в повышении академической успеваемости студентов» [6] описывает теоретический анализ интеграции ИИ в образовательный процесс, оценивает, как ИИ влияет на успех студентов разных направлений подготовки и выделяет основные направления его внедрения в высшее образование. Авторы отмечают положительное влияние ИИ на академическую успеваемость при правильной интеграции в учебный цикл.

Таким образом, анализ литературы показывает, что искусственный интеллект обладает значительным потенциалом для повышения качества образования и эффективности управления вузами, однако его успешное внедрение требует комплексного подхода, включающего развитие кадровых компетенций, модернизацию инфраструктуры и формирование этико-правовой базы.

Результаты и обсуждение.

Результаты анализа обзора литературы и сопоставление их с практикой внедрения цифровых технологий в Карагандинском техническом университете имени Абылкаса Сагинова позволяют выделить ряд ключевых направлений влияния искусственного интеллекта на академическую успеваемость студентов и процессы управления вузом. Несмотря на общие тенденции, описанные в научных источниках, опыт университета демонстрирует, что эффективность ИИ во многом зависит от качества локальной цифровой инфраструктуры, готовности преподавателей и наличия собственных аналитических данных.

Одним из наиболее заметных результатов является использование инструментов Learning Analytics для мониторинга успеваемости студентов. В университете была проведена пилотная интеграция аналитического модуля внутри LMS, который фиксирует активность студентов: время входа в систему, выполнение заданий, участие в тестах и посещаемость онлайн-занятий. Анализ данных за один семестр показал, что студенты с высокой цифровой активностью (показатель вовлечённости выше 70 %) демонстрировали средний балл на 0,7–1,0 балла выше по сравнению с группой низкой активности. Это подтверждает выводы, представленные в литературе, где подчеркивается значимость своевременной обратной связи и мониторинга учебной траектории.

Важным результатом внедрения ИИ в Карагандинском техническом университете стала разработка модели раннего выявления студентов академического риска. На основе данных LMS и результатов рубежного контроля был

создан алгоритм, позволяющий прогнозировать вероятность неудовлетворительного освоения дисциплины с точностью около 82 %. Преподаватели, получившие доступ к прогнозам, отмечали возможность оперативного вмешательства, а именно: назначения консультаций, дополнительных материалов или изменения структуры заданий. Студенты, которым была предложена индивидуальная поддержка, по итогам семестра повысили свои показатели в среднем на 12–15 %..

С управленческой точки зрения ИИ был использован в университете для оптимизации распределения учебной нагрузки и формирования расписания. Применение простых алгоритмов анализа загруженности аудиторного фонда позволило сократить пересечения занятий и улучшить равномерность нагрузки преподавателей. В результате количество конфликтов расписания снизилось на 18%, что положительно сказалось на стабильности учебного процесса. Такой результат также подтверждает выводы исследователей, указывающих на значительный потенциал ИИ в автоматизации рутинных административных процессов.

Особое внимание в университете уделяется вопросам академической честности в условиях распространения генеративных моделей ИИ. В 2024–2025 гг. были внедрены обновлённые правила использования цифровых инструментов при выполнении письменных работ, а также запущены сервисы проверки текстов на признаки автоматической генерации. Первые результаты показали, что уровень нарушений значительно снизился примерно за счёт разъяснительной работы, внедрения обязательных устных собеседований и обновления форматов оценивания. Однако преподаватели отмечают необходимость дальнейшего совершенствования оценочных инструментов и повышения цифровой грамотности обучающихся.

Наряду с положительными результатами, опыт Карагандинского технического университета выявил и существующие проблемы. Во-первых, не все дисциплины обладают достаточным цифровым набором для корректной работы моделей прогнозирования. Во-вторых, часть преподавателей затрудняется интерпретировать результаты работ без предварительного обучения. В-третьих, отмечается недостаточная интеграция ИТ-систем с различными дисциплинами вуза.

В целом, в Карагандинском техническом вузе идет активное внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс, способствующий повышению академической успеваемости, улучшению управления образовательным процессом и оптимизации ресурсов. Кроме того, требуется комплексный подход, включающий развитие цифровых компетенций, модернизацию инфраструктуры и формирование нормативной среды.

Перспективы дальнейшего развития вузов РК связаны с формированием единой цифровой экосистемы отдельного вуза, совершенствованием

нормативно-методической базы и развитием культуры взаимодействия между людьми и интеллектуальными системами.

Поэтому практические результаты показывают, что даже ограниченные пилотные проекты дают значимый эффект, а широкое внедрение интеллектуальных технологий способно вывести качество образования и управления на новый уровень.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что искусственный интеллект становится одним из ключевых факторов трансформации современного высшего образования. Его внедрение способствует формированию более гибкой, динамичной и ориентированной на потребности обучающихся образовательной среды. Интеллектуальные инструменты повышают качество доступа к учебной информации, делают процесс освоения знаний более персонализированным и структурированным, а также расширяют возможности студентов для самостоятельной и практикоориентированной работы.

Для преподавателей ИИ становится важным ресурсом, позволяющим снизить объём рутинных операций, улучшить качество анализа учебных данных и сосредоточиться на содержательной части образовательного процесса. При этом сохраняется необходимость постоянного повышения цифровой компетентности и разработки новых методических подходов, обеспечивающих эффективное взаимодействие человека и технологии.

Таким образом, влияние искусственного интеллекта на академическую успеваемость и процессы управления в вузах носит комплексный характер. Современные технологии открывают широкие возможности для повышения качества образования и эффективности управления, однако их успешное применение зависит от готовности участников образовательного процесса к ответственному и осознанному использованию ИИ.

Список литературы

1. Лукичёв П. М., Чекмарёв О. П. Искусственный интеллект в высшем образовании: направления внедрения и ограничения.— Российский журнал инновационной экономики, 2023, Т. 13, № 1, с. 485–502.
2. Шингизов А. А., Кожамкулова Ж. Ж. Использование технологий искусственного интеллекта в анализе образовательных процессов.— World Scientific Reports, 2024, № 12, с. 54–67.
3. Н. Л. Петрова, А. В. Савикова Современные цифровые технологии в формировании и поддержке образовательной экосистемы университета.— ISSN 1991-5497 Мир науки, культуры и образования № 4 (107) 2024.

4. Семенова Д. А., Шпак А. Е. Технологии искусственного интеллекта в управлении обучением в цифровой образовательной среде // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2023)
5. Шингизов А. А., Кожамкулова Ж. Ж. Влияние информационных технологий на образование и использование искусственного интеллекта для анализа // World Scientific Reports. 2024. № 8.
6. Д. О Баринова, А. А. Шакарикова Роль ИИ в повышении академической успеваемости студентов — Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2024. — № 10 (октябрь). — С. 170–185.

ОБРАЗ Б.Н. ЕЛЬЦИНА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В КОНЦЕ 1980-Х — 1990-Е ГГ.

Карагезов Василий Андреевич

Академия маркетинга и социально-информационных технологий

(ИМСИТ),

г. Краснодар, Россия

Аннотация. В статье рассматривается эволюция образа Б. Н. Ельцина в период трансформации российского общества. Анализируется восприятие Ельцина российской и зарубежной общественностью, выявляются ключевые факторы, повлиявшие на формирование его неоднозначного имиджа. Особое внимание уделяется динамике трансформации образа Ельцина от «народного трибуна», символа демократических перемен, до фигуры, ассоциирующейся с экономическим кризисом и политической нестабильностью. Делается вывод о сложности и многогранности образа Ельцина в массовом сознании. Подчеркивается, что его восприятие было обусловлено не только реальными политическими действиями, но и воздействием пропаганды, культурных стереотипов и личных ожиданий.

Ключевые слова: эпоха Б. Н. Ельцина, Россия, кризис, общественное мнение, демократия.

Одним из самых противоречивых образов современной отечественной истории, безусловно, является Б. Н. Ельцин. Его деятельность на посту президента РФ с самого начала и до сих пор вызывает диаметрально противоположные оценки: от бурно восторженных, до крайне негативных. Данное несоответствие было порождено историческим развитие России в XX веке. Обозревая основные события социально-политической истории XX столетия, её главное содержание, по мнению М. И. Пискотина, видится в расколе человечества на два противостоящих друг другу лагеря — капиталистический и социалистический — и новом разделении мира на группу быстро прогрессирующих и отсталых стран с производительностью ниже среднего уровня. Оба этих раскола обусловлены сложным переплетением различных причин. Но в первом из них решающую роль сыграли идеологические и политические

факторы, а во втором — экономические. Б. Н. Ельцин вышел на историческую авансцену как раз в тот момент, когда страна испытывала последствия данного раскола [17, с.43].

Оба раскола мира отразились на жизни всех стран. Но особенно тяжело они оказались на судьбе России. Именно она стала той страной, где впервые был осуществлён, ценой огромных жертв, эксперимент по строительству социализма по марксистским рецептам. На её долю выпали и самые тяжёлые последствия краха коммунизма. В условиях, когда мир становится монополярным, а организующая роль бывшего одного из лидеров рушится на глазах, стране стал необходим новый ориентир. Не вызывает сомнения, что Россия всё ещё обладала необходимым экономическим, научным, культурным и духовным потенциалом, которым нужно лишь разумно и эффективно распорядиться. Именно в лице президента Бориса Николаевича, многие и увидели нового «вождя». Как чаще всего и бывает, народ возложил непосильную ношу в виде «ожидания чуда», но Ельцин был всего лишь простой человек, с присущими каждому пороками [20, с.54].

Как известно, неисполнение надежд воспринимается всегда очень болезненно, что и произошло. Большинство россиян не смогли простить просчёты первому российскому президенту, что и легло в основу формирования негативного образа Ельцина.

Но существуют и другие подходы к изучению личности Бориса Николаевича. В частности, В. Волков в своей работе «Штрихи к политическому портрету Ельцина и его режима» отмечает, что: «добровольный уход Ельцина с поста президента России породил массу преимущественно восторженных комментариев в российских либеральных масс-медиа. В этих похвалах звучит общее мнение нового российского правящего класса, благодарное Ельцину за то, что именно его периоду правления «новые русские» обязаны своим становлением и укреплением» [3]. К этому хору восторгов и похвал присоединилось немало голосов, выступавших в качестве резких критиков ельцинской политики. Например, бывший диссидент, историк и «демократический социалист» Рой Медведев опубликовал на страницах правительенной Российской газеты статью, в которой предлагает поставить Ельцина в ряд крупнейших реформаторов XX столетия. Р. Медведев фактически реабилитирует Ельцина в качестве политика и прощает ему все реальные итоги его пребывания у власти. Основой реабилитации служит Р. Медведеву то, что Ельцин якобы заложил основу для «создания демократической системы преемственности власти», а, кроме того, оказался «единственным из лидеров страны в XX веке, кто попросил прощения у граждан России за свои ошибки» [11].

Итак, на наш взгляд, с самого начала у Б. Н. Ельцина появились сторонники и противники. Во многом это произошло из-за двойственности его политической

карьеры: как коммуниста и как демократа. Из-за этой двойственности, балансирования между старым и новым, некоторые русские, в особенности интеллигенция, отнеслись к его президентству с недоверием. Так в 1990 г. историк-марксист Рой Медведев, в эпоху Брежнева оказавшийся на грани диссидентства, а в период правления Горбачёва сторонник проводимых в стране преобразований, сравнил Ельцина с Троцким и Муссолини, при этом отметив, что данный лидер «вовсе не радикал», а просто «политический авантюрист». «Он менял свои взгляды несколько раз, и он не тот человек, который способен стабилизировать положение и найти для страны новые пути выхода из него» [10, с.24].

В печатном органе ЦК «Гласность» Д. Казаков, верный последователь «горбачёвского пути» сравнил Бориса Николаевича с Гитлером и Мао Цзедуном, причислив их к «типичным представителям радикализма» [9, с.4].

Политический противник Ельцина Николай Рыжков в предвыборной своей агитации в мае 1991 г. заявил, что: «Ельцина нельзя допускать к власти. Борис Ельцин — страшный человек, да простит меня Бог, он стремится захватить высшую власть в стране и не остановится ни перед чем. На улицах появятся виселицы» [18, с.6].

Таким образом, основные оппоненты Ельцина видели в нём партийного работника, оппортуниста, да к тому же не дальновидного политика.

С подозрением, к политическому «взлётё» Ельцина отнеслись и представители формирующегося «класса» предпринимателей, для которых перестройка стала началом их деятельности, а Горбачёв стал символом их экономической стабильности. В среде крестьянства, так же не было единого мнения, прежде всего данную группу россиян настораживала популярность Ельцина среди рабочих. Данные страхи как могла, подогревала интеллигенция, пророча вторую коллективизацию, развитие города за счёт деревни, и возвращения диктатуры пролетариата.

Не пользовался Ельцин популярностью и среди русских национал-патриотов, считающих его «русофобом», готовым предать интересы своих соотечественников в других республиках ради собственных политических амбиций [13, с.12].

Для сторонников Ельцина сама эта двойственность есть первое свидетельство искренности его перехода к демократической политике. Для них он человек, обладавший властью почти в самом верхнем эшелоне старого режима, но с отвращением отвернувшийся от неё. То есть без сомнения Ельцин сделал себе вторую политическую карьеру отчасти на руинах первой.

Не стоит забывать и о том, что Ельцин — это «детище» кризиса. Миллионы простых российских граждан настроены в первые президентские выборы были очень лояльны. В этот период политического кризиса они видели в Ельцине единственную надежду на лучшее будущее [2, с.237].

Не менее интересен взгляд из-за рубежа на российского президента. Широко распространено мнение что, вторые выборы Ельцина были инициированы заинтересованными силами в европейских державах и США. При этом злоупотребление алкогольными напитками, породило негативный образ Ельцина в зарубежной прессе. Многие проблемы постсоветской России так же вменялись в вину президенту. Так Джон Моррисон, в своём исследовании «Борис Ельцин: от большевика к демократу» отмечает следующее: «герой этой книги долгое время представлялся американцам просто смутьяном, “слоном в посудной лавке”, человеком, который мешал Горбачёву осуществлять реформы в СССР». Первоначальное впечатление новый политический лидер оказал явно негативное на мировую общественность. «Для лидера, находящегося на переднем крае острой политической борьбы в Советском Союзе, Борис Ельцин производит впечатление человека явно старомодного. И дело вовсе не в возрасте. Рядом с Михаилом Горбачёвым, который лишь на месяц моложе его, Ельцин выглядит аппаратчиком старой школы, привыкшим добиваться своего ударами кулака об стол и грубыми окриками. Он скорее производит впечатление человека с хорошо развитой мускулатурой, чем с развитым умом» [12, с.4].

Если мы соберём самые главные вехи из биографии Б. Н. Ельцина, то увидим, что он и в самом деле был партийным аппаратчиком. В течение девяти лет, вплоть до 1985 г., он принадлежал к когорте деятелей, которые сошли с политической сцены в «перестроечную эпоху» [1, с.187]. Но Ельцин выжил. И как указал Дж. Гренвилл: «выжил именно не потому, что следовал традиционным правилам кремлёвских политиков, а, напротив, благодаря тому, что ломал их» [4, с.778].

Ельцин стал политиком-символом, который олицетворял для многих переход от тоталитаризма к демократии. Пытаясь понять феномен Ельцина Дж. Моррисон исходит из постулата о популярности лидера: «Он так же, как и Рональд Рейган, обладает способностью внушать русским людям уверенность в себе и даром понимать человека улицы. Но в отличие от Рейгана его искусство коммуникатора не для телевидения, а для общения с толпой. Ельцин никогда не бывает более счастлив, чем тогда, когда он в гуще людей, напирающих на него всей своей массой и хором кричащих: “Ельцин, Ельцин”. В Ельцине, с его внутренней борьбой между новым и старым, они видят отражение самих себя. У русских женщин средних лет он вызывает чувство обожания, это его самые фанатичные последователи. Он для них не политик, а лидер — а это то, что нужно России» [12, с.21].

Однако у мирового сообщества возникло немало проблем в связи с изучением политического лидера России. Один из ведущих американских политологов, профессор Дж. Хаф полагал в начале 90-х гг. XX в., что Ельцин не идёт ни в какое сравнение с Горбачёвым, так как он столь же незначительная

фигура, как и Эбби Хоффман, радикальный американский лидер, организовавший антивоенный протест в конце 60-х гг. ХХ столетия [19, с.11].

Вплоть до августа 1991 г. многие политические деятели, в том числе президент Дж. Буш, президент Франсуа Миттеран и премьер-министр Джон Мейджор, относились к Ельцину свысока, показывая своими действиями лояльность к М. Горбачёву. Когда Ельцин путешествовал по Соединённым Штатам Америки в качестве уже избранного президента Российской Федерации, никто уже его не оскорблял. Но его всё ещё преследовала дурная репутация, как «демагога, окружившего себя кучкой демократов и либералов и, хуже того экстремистами крайне правого крыла» [6, с.102].

Но, несмотря на указанные факторы, в целом же Б. Н. Ельцин стал любимцем мировой общественности. Именно ему в заслугу ставили успешную борьбу с коммунистической партией, окончание существования недемократического очага — Советского Союза как государства, а так же переход России от плановой командной экономики к рыночным отношениям. Именно таким борцом за демократию и справедливость представлен Борис Николаевич в Оксфордской энциклопедии [14, с.129].

Постепенно мировая общественность меняла своё отношение к первому президенту России. Начинал формироваться образ Ельцина, как первого русского политического деятеля «чисто западного типа». Данный образ является господствующим и по сей день. Каковы же истоки столь коренного изменения. На наш взгляд, прежде всего это изменение начинается с отставки М. С. Горбачёва с поста Президента Советского Союза 27 декабря 1991 г., когда лидерам иностранных государств отпала необходимость общаться с Ельциным, «оглядываясь на Горбачёва». Не менее важный фактор, это популярность Ельцина у себя на Родине. Его президентская кампания 1991 г. была третьей по счёту успешной кампанией за три года, и она показала, что он вполне соответствует тем призывам, с которыми он обращался к различным слоям общества. Он умело привлекал голоса всех своих сторонников, начиная от членов коммунистической партии и кончая прихожанами православной церкви [15, с.5].

Россия по мнению иностранных государств стала двигаться в направлении завоевания гражданских прав, к свободному предпринимательству, демократии, заметным свидетельством чего стали выборы президента, в результате которых Ельцин стал первым свободно избранным лидером России.

В одном из своих интервью Ельцин отметил: «В России случилось что-то, что многим кажется неправдоподобным. Совершенно беспрецедентное событие — прямые, тайные, всеобщие выборы президента. В тысячелетней истории России это произошло впервые. И не столь важно то, кого избрал народ, сколько тот факт, что раньше многие пытались нас уверить, что русские ещё не готовы к демократии, что они не примут рыночную реформу, что они

не примут частную собственность» [7, с.3]. Весьма популярны за рубежом стали высказывания Ельцина, по которым можно было отнести его (в соответствии с русской политической традицией) к западникам. Ельцин подчеркнул, что Россия занимает определённое место в Европе, а возвращение России в Европу после десятилетий, даже столетий сепаратизма, есть возвращение к нормальной жизни.

Таким образом, мировое сообщество пришло к мнению, что русские сделали правильный выбор, Ельцин стал президентом не потому, что он обещал «светлое будущее», а потому, что он предложил им следовать цивилизованным путём, по которому идут многие современные цивилизованные страны мира, включая и США.

Проследив результаты опросов и данные предвыборных компаний, а также результаты выборов, не возможно не заметить, что представление о президенте менялось в ходе ухудшения или временного улучшения обстановки в стране. Что позволяет нам сделать как минимум два вывода:

— Во-первых, образ Б. Н. Ельцина зависел от экономических колебаний и определялся не одинаково для всей общественности, каждая группа исходила из своих личных интересов;

— Во-вторых, рейтинг президента характеризовался не по возрастающей или не спадающей, а волнообразной траектории.

В конце своего правления Ельцину стало очевидно, что проводимая политика соответствовала узкой прослойке российского общества, и это не замедлило найти отражение в опросах общественного мнения, когда положительная оценка стала нивелироваться, а негативные мнения зазвучали всё отчетливее [8, с.94].

Последний срок президентства стал для Ельцина этапом падения его авторитета. В этом отношении показателен народный фольклор и байки посвящённые «любимому президенту». Например, строки следующей песни красноречиво говорят о тех просчётах, которые были вменены Ельцину в вину.

Песня (на мелодию Гимна Советского Союза):

*Союз нерушимый республик свободных
Мы как-то по пьяни разрушить смогли.
Теперь я — единственный и всенародный
Правитель великой российской земли.*

*Славься отечество многострадальное,
Наш терпеливый, несчастный народ!
С именем Ельцина власть криминальная
Всех россиян до конца доведет [16].*

В целом же, после отставки президента проведённый опрос показал, что первый Президент России Б. Ельцин у большинства россиян не вызывает теплых чувств: 54 % опрошенных относятся к нему плохо, 33 % — безразлично

и только 11% — хорошо. Охарактеризовать Б. Ельцина своими словами, назвать несколько главных его качеств взялись 65% респондентов. Характеристики были главным образом отрицательными (57%). В первую очередь россияне отмечают, что Б. Ельцин — плохой политик (15%): он «развалил страну и экономику», был «пешкой», «марионеткой западных стран», а к тому же «наломал дров — и не признаётся» [5].

Отрицательные нравственные качества Б. Ельцина отмечают 12% респондентов. Его упрекают в нечестности, амбициозности. Отрицательные деловые качества первого Президента России назвали 11% граждан. Его упрекают в пассивности («говорил много, а дел не делал»), небольшом уме («недалёкий мужик»), безответственности.

Личностные качества Б. Ельцина охарактеризовали отрицательно 9% россиян. Одни называют его деспотом, властолюбцем, а другие, наоборот, слабым, безвольным, нерешительным человеком.

Еще 10% опрошенных дают Б. Ельцину диффузные отрицательные характеристики («отрицательный человек во всех отношениях»). С положительной стороны охарактеризовали первого российского Президента 15% россиян. Чаще всего упоминается его целеустремленность, твердость характера («тиitan», «волевой», «энергичный и напористый»). Как бы оппонируя тем, кто упрекает Б. Ельцина в развале страны, симпатизирующие ему россияне говорят: «человек не дал развалиться тому, что валилось», подчеркивают, что «первому всегда трудно начинать» [5].

Некоторые видят в нем честного, порядочного человека, доброго, ми-ролюбивого, «Здоровый русский мужик», «настоящий мужчина» — такие характеристики дают эти респонденты. Приведённые данные позволяют нам утверждать, что и после отставки Ельцина единого мнения не сформировалось в России. Как и в начале его политической карьеры демократа было 3 условных группы населения, разделённые по принципу отношения к его деятельности. Но тем не менее, нельзя не отметить, что, подводя итоги деятельности Ельцина, его сторонники заметно поредели, усилился лагерь противников, нейтралитет сохранили практически одинаковое в процентном отношении количество россиян.

Таким образом, в данной статье было показано противоречивость отношения к Б. Н. Ельцину в период политической карьеры, и после его отставки. Для российского общества была характерна динамика трансформации образа Ельцина от «народного трибуна», символа демократических перемен, до фигуры, ассоциирующейся с экономическим кризисом и политической нестабильностью. Выявленные негативные и положительные стереотипы в отношении образа Б. Ельцина в массовом сознании были порождением конкретной исторической конъюнктуры, его восприятие было обусловлено

не только реальными политическими действиями, но и воздействием пропаганды, культурных стереотипов и личных ожиданий.

Список литературы

- 1.Баранец В. Н. Ельцин и его генералы. М., 1997.
- 2.Бурлацкий Ф. М. Русские государи: эпоха реформации: Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М., 1996.
- 3.Волков В. Штрихи к политическому портрету Ельцина и его режима [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wsbs.org/ru/2000/jan2000/eltz-j10.shtml>. (Дата обращения 03.12.2025)
- 4.Гренвилл Дж. История XX века. Люди, события, факты. М., 1999.
- 5.Роль Б. Ельцина в истории России / Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20150325234707/http://bd.fom.ru/report/cat/pres/eltzin/_d071822. (Дата обращения 03.10.2025).
- 6.Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян: Социологические очерки. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
- 7.Ельцин Б.Н. О результате выборов 1991 г. Интервью // Российская газета. 23. 05. 1991. С. 3.
- 8.Ельцин Б. Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. М., 2000.
- 9.Казаков Д. Трудно быть Богом // Гласность 1991. 16 мая. С. 4.
- 10.Медведев Рой интервью итальянской газете «Унита» // Россия на перепутье: избранные статьи и интервью. М., 1994.
- 11.Медведев Р. Итоги деятельности Б. Н. Ельцина //Российская газета. 1999. 10 сентября.
- 12.Моррисон Дж. Борис Ельцин: от большевика к демократу. М., 2001.
- 13.Нетреба Т., Угланов А. Чёрно-белый Ельцин // АиФ 2001. № 5. С. 12
- 14.Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Т. 4. Всемирная история с 1800 года и до наших дней / Ред. Р. Блейк. М., 2000.
- 15.Перегудов С. П. Новейшие тенденции в изучении отношений гражданского общества и государства // Полис. 1998. № 1. С. 3–8.
16. Песня Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2008/10/02/791>. (Дата обращения 03.10.2025)
- 17.Пискотин М. И. Россия в XX век: неоконченная трагедия. М., 2001.
- 18.Рыжков Н. Моё предвыборное воззвание // Комсомольская правда. 1991. 15 мая. С. 6–7.
- 19.Хаф Дж. Политическая характеристика Б. Н. Ельцина. М., 2002.
- 20.Хлебников И. Эпоха Ельцина: итоги и уроки // Власть. 2000. № 7. С. 51–57.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ГЛУХИХ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В АНГЛИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО И ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ)

Чехомова Алиса Андреевна

Шиличков Сергей Иванович

кандидат педагогических наук, доцент

Центр иностранных языков и перевода «Ин. яз.»

(ИП Шиличков С. И.),

г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья освещает решение вопроса графической передачи глухих согласных звуков в рамках дисциплины «Иностранный язык (английский)» в образовательных учреждениях дополнительного и основного общего образования Российской Федерации. Авторы описывают основные способы графической передачи восьми фонем посредством букв, комбинаций букв и комбинаций букв и двух небуквенных орфографических знаков (апострофа и дефиса). Обращается внимание на позиционное расположение каждого звука в изолированных лексических единицах. Исследование имеет целью удовлетворить потребности обучающихся, приступивших к подготовке для сдачи ОГЭ по английскому языку, а также педагогических работников в описании способов графической передачи английских глухих согласных звуков.

Ключевые слова: английский язык, глухие согласные звуки, графическая передача, образовательная деятельность, ОГЭ

В процессе подготовки к сдаче ОГЭ [4] по английскому языку в учебных заведениях Российской Федерации педагогическим работникам приходится решать различные задачи в рамках обучения школьников основным видам речевой деятельности, а именно, слушанию, чтению, письму и говорению, из которых письмо общепризнанно является самым сложным аспектом [6]. Невозможно не согласиться с мнением Каявяряйнен И. Н. в том, что «недооценка серьезности орфографических ошибок и их отрицательной роли при изучении иностранного языка приводит к значительным затруднениям в овладении иноязычной системой ...» [3, С. 65].

Соотнесение верного произношения и безошибочного написания слов в процессе изучения английского языка представляет определённую трудность [1, С. 11] для обучающихся в образовательных учреждениях дополнительного и основного общего образования Российской Федерации [5, С. 119, 7, С. 75]. Следовательно, одной из основных задач на среднем и старшем этапах изучения английского языка является научить обучающихся не только артикулировать [8] адекватно, но и писать правильно. Выполнение данной миссии возможно при детальном рассмотрении способов графической передачи английских звуков. В данной статье предлагается рассмотреть лишь глухие согласные звуки [f], [h], [k], [p], [s], [t], [θ] и [ʃ] [2]. Заметим, что ряд зарубежных авторов рассматривают звук [h] в качестве гласного, признавая, что он функционирует как согласный [10, С. 24, 35]. Однако, мы относим данный звук к согласным, т. к. перед существительным в единственном числе, а также перед прилагательным, порядковым числительным, причастием I и причастием II, его описываютющими, начинающимися со звука [h], употребляется неопределённый артикль в форме *a*, а не *an*, например, *a horse*, *a humble horse*, *a hundredth horse*, *a hurrying horse*, *a hidden horse*.

Как бы это не звучало парадоксально, но некоторые английские согласные звуки передаются в письменности гласными буквами (и наоборот, определённые гласные звуки — согласными буквами [11, С. 83]), например: губно-зубной согласный [f] может быть передан гласной буквой «и» — *lieutenant* [lef'tenənt] (лейтенант).

Таким образом, достойной внимания особенностью данного исследования являются примеры, демонстрирующие, что гласные буквы могут принимать участие в артикуляции согласных звуков. Немаловажным фактором, который следует также принять к сведению, является то, что одна буква иногда может принимать участие в формировании нескольких звуков [9, С. 29]. Основным отличием английского правописания принято считать такое явление как формирование одного звука при помощи двух и более букв. От себя добавим, что помимо букв в этом процессе участвуют небуквенные орфографические знаки. Например, в английском сокращении *you've* (у вас имеется), полное звучание которого *you have*, апостроф скрывает слово *have*, а в слове *mother-in-law* ['mʌðərɪnlaʊ] (тёща) буква *g* в сочетании с дефисом и последующим гласным звуком продуцирует согласный звук [r]. Постулат о причастности небуквенных орфографических знаков к передаче отдельных фонем в письменности позволяет судить о новизне исследования.

Проведённое исследование позволило выявить буквы, буквенные комбинации, комбинации букв и небуквенных орфографических знаков, передающие английские глухие согласные звуки в изолированных лексических единицах.

Согласный звук [f]

- передается английской согласной буквой f, например, florid ['flɔːrid] (напыщенный);
 - гласной буквой u — lieutenant [lef'tenənt] (лейтенант);
 - удвоенной согласной буквой ff — scaffold ['skæfəld] (эшафот);
 - комбинацией двух согласных букв ft — soften ['səfən] (смягчать);
 - комбинацией двух согласных букв gh — trough [trɔːf] (корыто);
 - комбинацией двух согласных букв ph — prophecy ['prəfəsi] (предсказание);
 - комбинацией трёх согласных букв pph — sapphire ['sæfaiə] (сапфир);
 - комбинацией согласной и гласной букв fe — safe [seif] (безопасный);
 - комбинацией двух согласных и гласной букв ffe — giraffe [dʒɪ'ra:f] (жираф).

Согласный звук [h]

- передается английской согласной буквой h, например, vehicular [vɪ'hikjələ] (автотранспортный);
 - согласной буквой j в словах неанглийского происхождения — Navajo ['nævəhəʊ] (индейское племя Навахо);
 - комбинацией согласных букв gh — ugh [ʌh] (междометие кхе-кхе при имитации кашля);
 - комбинацией согласных букв wh — whoever [hu'evə] (кто бы ни).

Согласный звук [k]

- передается английской согласной буквой c, например, predict [pri'dikt] (предсказывать);
 - согласной буквой g — angst [æŋkst] (страх);
 - согласной буквой k — rakish ['reikɪʃ] (распутный);
 - согласной буквой q — quorum ['kwɔ:rum] (кворум);
 - согласной буквой x — excess [ik'ses] (чрезмерность);
 - удвоенной согласной буквой cc — hiccup ['hɪkləp] (икать);
 - комбинацией согласных букв cch — zucchini [zu'ki:nɪ] (молодой кабачок);
 - комбинацией согласных букв ch — machination [mækr'nɛʃən] (интрига);
 - комбинацией согласных букв ck — chuckle ['tʃʌkl] (тихий смех);
 - комбинацией согласных букв cq — acquire [ə'kwaɪə] (приобретать);
 - комбинацией согласных букв gh — hough [hɔ:k] (поджилки);
 - комбинацией согласных букв lk — Suffolk ['sʌlfək] (графство Саффолк);
 - комбинацией согласной и гласной букв ke — quake [kweɪk] (трястись);
 - комбинацией согласных букв kh — khaki ['ka:kɪ] (цвет хаки);

- комбинацией согласных и гласной букв che — toothache [‘tu:θeɪk] (зубная боль);
- комбинацией согласной и гласных букв que — brusque [bru:sk] (отрывистый).

Согласный звук [p]

- передается английской согласной буквой р, например, parade [pə’reɪd] (парад);
- комбинацией согласных букв ph — shepherd [’ʃerəd] (пастух);
- удвоенной согласной буквой pp — apprentice [ə’prentɪs] (подмастерье);
- комбинацией согласной и гласной букв pe — Europe [‘juərəp] (Европа).

Согласный звук [s]

- передается английской согласной буквой с, например, cynic [‘sɪnɪk] (циник);
- согласной буквой s — strand [strænd] (прибрежная полоса);
- согласной буквой х — fox [fɔks] (лиса);
- согласной буквой z — waltz [wɔltz] (вальс);
- комбинацией согласных букв ps — pseudonym [‘sju:dənɪm] (псевдоним);
- комбинацией согласных букв sc — nascent [‘næs(ə)nt] (рождающийся);
- удвоенной согласной буквой ss — connoisseur [ˌkənə’ssə:] (знаток);
- комбинацией согласных букв st — hasten [‘heɪsən] (спешить);
- комбинацией согласных букв sth — asthma [’æsmə] (астма);
- комбинацией согласных букв tsw — boatswain [‘bəʊsən] (боцман);
- комбинацией согласной и гласной букв ce — novice [‘nəvɪs] (новичок);
- комбинацией согласной и гласной букв se — morose [mə’rəʊs] (замкнутый);
- комбинацией апострофа и согласной буквы ‘s — bishop’s [‘bɪʃəps] (нечто, принадлежащее епископу);
- комбинацией согласной буквы s и апострофа s’ — mates’ [meɪts] (нечто, принадлежащее товарищам);
- иностранной буквой ç — façade [fə’sa: d] (фасад).

Согласный звук [t]

- передается английской согласной буквой т, например, tinsel [‘tɪnsəl] (блёстки);
- комбинацией согласных букв bt — debt [det] (долг);
- комбинацией согласных букв pt — receipt [rɪ’si: t] (квитанция);
- комбинацией согласных букв th — discotheque [‘diskətek] (дискотека);
- комбинацией прописной и строчной согласных букв Th в именах собственных — Thailand [‘taɪlənd] (Таиланд);

- удвоенной согласной буквой tt — brittle ['brɪtl] (ломкий);
- комбинацией гласной и согласной букв ed в позиции после глухого согласного звука в окончании правильных глаголов — reached [ri:θt] (достиг);
- комбинацией согласной и гласной букв te — hibernate ['haɪbəneɪt] (зимовать);
- комбинацией согласных и гласной букв tte — silhouette [sɪlu'et] (силуэт);
- комбинацией апострофа и согласной буквы ‘t — wouldn’t ['wudənt] (сокращение от вспомогательного глагола would и отрицательной частички not).

Согласный звук [θ]

- передается согласной буквой z, например, Ibiza ['ɪbɪθə] (о. Ивиса);
- комбинацией двух согласных букв th — throb [θrɔb] (пульсация);
- комбинацией трёх согласных букв tth — Matthew ['mæθju:] (мужское имя Мэтью).

Согласный звук [ʃ]

- передается английской согласной буквой с, например, suspicion [sə'spiʃən] (подозрение);
- согласной буквой s в суффиксе -sion — expansion [ɪk'spænʃən] (распространение);
- согласной буквой t в суффиксе -tion — education [edʒu'keɪʃən] (образование);
- комбинацией двух согласных букв ch — parachute ['pærəʃu:t] (парашют);
- комбинацией двух согласных букв sc — conscious ['kənʃəs] (сознательный);
- комбинацией двух согласных букв sh — splash [splæʃ] (брьзгать);
- удвоенной согласной буквой ss в суффиксе -ssion — obsession [əb'seʃən] (навязчивая идея);
- комбинацией трёх согласных букв sch — schmaltz [ʃmɔ:lts] (сентиментальная болтовня);
- комбинацией четырёх согласных букв — Shhh! [ʃ] (Tccc!);
- комбинацией двух согласных и гласной букв che — moustache [mə'sta:ʃ] (усы).

Результаты нашего исследования позволяют утверждать, что английские глухие согласные звуки на письме могут быть переданы:

1. согласными буквами;
2. гласными буквами;
3. комбинациями согласных букв;
4. комбинациями согласных и гласных букв;
5. комбинациями букв и двух небуквенных орфографических знаков (апострофа и дефиса);
6. буквой иностранного (не английского алфавита).

Лишь один щелевой согласный звук [ʃ] встречается во всех четырёх позициях слов — нейтральной (в качестве междометия), начальной, средней и конечной. Все остальные семь глухих согласных звуков [f], [h], [k], [p], [s], [t], [θ] занимают начальную, среднюю либо конечную позицию в изолированных лексемах.

Подводя итог, следует отметить, что решение проблемы графической передачи глухих согласных звуков по-прежнему, по большей части, находится в зачаточном состоянии, т. к. ни одно правило орфографии не может гарантировать однообразную передачу той или иной фонемы. Именно поэтому лучшим способом указать правописание лексической единицы остается её просмотр в орфографических справочниках, традиционных книжных, а прослушивание и дублирование — электронных словарях. Тем не менее, описанные системным образом способы графического написания восьми английских глухих согласных звуков [f], [h], [k], [p], [s], [t], [θ], [ʃ] могут в некоторой степени упростить процесс освоения фонетики и орфографии обучающимся дополнительного и основного общего образования в учебных заведениях Российской Федерации в ходе подготовки к сдаче ОГЭ по английскому языку.

Список литературы / References

1. Аникина А. А. Примеры влияния этимологии на обучение орфографии в процессе преподавания английского языка. // Материалы III Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, посвященной 95-летию НГАСУ (Сибстрин). Новосибирск.: Изд-во: Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин). 2025.— С. 10–15.
2. Васильев В. А., Катанская А. Р., Лукина Н. Д., Маслова Л. П., Торсуева Е. И. Фонетика английского языка. Учебник для институтов и факультетов иностранных языков.— 2-е изд., перераб.— М.: Высшая школа. 1980.— 256 с. (На английском языке).
3. Кийвяряйнен И. Н. Конкурс орфографии английского языка в институте иностранных языков. // Педагогические мастерские. Сборник научных трудов. Выпуск 10. Изд-во: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании (Киров). 2020.— С. 61–65.
4. Кодификатор проверяемых требований к результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования и элементов содержания для проведения основного государственного экзамена по английскому языку. [Электронный ресурс]: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory#/tab/173801626-11> [Дата обращения: 19.09.2025].

5. Мережко Д. А., Голодова О. А. Значимость орфографии в системе обучения английскому языку в средней общеобразовательной школе и трудности ее усвоения. // Материалы Международной научно-практической конференции. Изд-во: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Концепция» (Рязань). 2019.— С. 118–119.
6. Миронова Т. В., Семенова Е. С. Современные подходы к обучению орфографии на уроках английского языка. // Вестник педагогических наук. Учредители: Индивидуальный предприниматель Клюев Александр Васильевич. 2023.— С. 75–82.
7. Пронина Е. Д. Почему так сложна орфография английского языка. // Материалы XI Международной научно-практической конференции преподавателей высших учебных заведений.— Российский государственный аграрный заочный университет (Балашиха): 2019.— С. 77–80.
8. Торсуев Г. П. Фонетика английского языка. 15-я типография «Искра революции» Главполитграфиздата при Совете Министров СССР. М.: Изд-во литературы на иностранных языках. 1950.— 332 с.
9. Шах-Назарова В. С., Журавченко К. В. Английский для вас: в 2-х частях.— 4-е изд., испр.— К.: Лумина. 1992.— 653 с.
10. Adrian Underhill. Sounds Foundations. Learning and Teaching Pronunciation // Macmillan Education. 2014.— 210 p.
11. Shilikov S. I. Letters and their Combinations Representing English Monophthongs and Diphthongoids in Writing. Russian Linguistic Bulletin. Yekaterinburg. ISSN 2313-0288 PRINT. ISSN 2411-2968. № 3 (23) 2020.— P. 82–89.

ЗАМЕТКИ

ЗАМЕТКИ

Научное издание

Научный диалог: теория и практика

Материалы международного научного форума
(г. Москва, Форум 18 декабря 2025 г.)

Том 2

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 18.12.2025 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ.л. 35,8. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити

